

РУССКИЕ ЗВЕЗДЫ

Александр
Громов

ЗАВТРА НАСТУПИТ ВЕЧНОСТЬ ГОД ЛЕММИНГА

Александр Николаевич Громов

Год Лемминга

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119061

Год лемминга: Эксмо; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-21345-0

Аннотация

К середине XXI века стало ясно: кто-то должен сделать так, чтобы на Земле все-таки можно было жить.

Для борьбы с глобальными эпидемиями, бушующими на планете, была создана всеильная Санитарная Служба. С ее помощью удастся сдерживать распространение самых страшных вирусов и возбудителей смертельных болезней. И когда мир внезапно охватывает загадочная пандемия самоубийств – причудливых, нелепых, жестоких, – именно Санитарная Служба пытается локализовать и погасить вспышку таинственного заболевания. Функционер Службы Михаил Малахов, руководящий поиском причин пандемии, докапывается до истины – и это делает его изгоем, загнанным зверем, которого яростно преследуют бывшие коллеги: правда слишком невероятна и не должна быть обнародована ни при каких обстоятельствах...

Содержание

ГЛАВА 1	4
1	12
2	29
3	42
4	59
ГЛАВА 2	70
1	75
2	90
3	101
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Александр Громов

Год лемминга

ГЛАВА 1

Ненормальный

*...Фундаментальное условие жизни –
насиловать собственную сущность.
Филип К. Дик*

Все-таки интересно: что чувствует охотник, видя, как волк – и совсем не матерый – перепрыгивает через флажки?

...Кувырок. Ногой успеваю толкнуть дверь. Плотнее закрыть глаза веками и руками, заткнуть уши, а рот, напротив, раззявить до боли, до хруста связок...

Вспышка! Фиолетовый кинжал бьет из щели под дверью – сквозь ладони, сквозь веки. Ошеломляющий удар пробует на разрыв мои барабанные перепонки. Чудовищно. Гул в голове, цветные медузы в глазах... Не слышу, но чувствую, как на этаже осыпаются чудом уцелевшие оконные стекла. Полсекунды – прийти в себя. Интересно, водились ли тараканы в этом доме? Мир их праху.

Еще минута – самое большее – такой обработки, и до меня доберутся, в какой бы отменной форме я ни находился.

Должны добраться. Люди делают свою работу как положено – упорно и размеренно. Спешить им в общем-то некуда. Если меня не возьмут здесь, то, на крайний случай, выдают с четвертого этажа на пятый, далее на шестой, а над седьмым только чердак и плоская крыша – сохранилось же близ центра Москвы это такое маломерное панельное чудо! Похоже, меня специально загнали сюда: здание и прежде не было жилым, а теперь и вовсе назначено к сносу; в выстуженных объемах не соблазнится заночевать самый неприхотливый бомж. Удобно!

А любопытно: как долго меня пасли, прежде чем попытаться взять?

Наверно, не больше нескольких часов – с той самой минуты, когда я почуял неладное.

Они твердо знают, что выхода у меня нет, и вряд ли догадываются о том, что я-то этого не знаю, да и знать не хочу. Но осторожничают: до группы захвата никак не может дойти, как это непрофессионал, не имеющий спецподготовки, уже ушел от них один раз и намеревается уйти вторично...

Так и вижу, как из-за угла длинного коридора на мгновение показывается голова в шлеме. Второй шоковой гранаты не будет, и у меня есть несколько секунд. Торопясь, ревизую свое имущество и обматываю руку до плеча перистальтической обоймой на липучке. Триста патронов, пали – не хочу. Длинноствольный «шквал» с глушителем удобно ложится в руку, фиксаторы хватают запястье, обеспечивая точ-

ность боя. Типично бандитское оружие, заряженное до упора. В прошлый раз мне удалось оторваться без стрельбы...

Немного прошляпил, ничего не поделаешь. Если бы они не осторожничали, а сразу навалились дурным нахрапом, удача могла бы повернуться к ним лицом.

Мягкие кошачьи прыжки... Бросок!

Их двое. Вывалившись в коридор, бью длинной очередью по ногам, перекатываюсь к противоположной стене. Пуля щербит плитчатый пол там, где я только что был: у одного командос сдали-таки нервы. Второй лежит недвижно – видно, в болевом шоке, а этот, задетый в мякоть, вопит на все здание. На четвертом этаже становится неуютно, пора уходить выше.

Легкая слабость – на мгновение меня цепляет скользящий наугад растр мозгокрута в режиме подавления, – но моя защита в порядке, и теперь я точно знаю расстановку сил. Пробиться вниз все еще нереально, и на лестничный пролет тоже не сунусь, напрасно там ждут меня с нетерпением. Э нет, свой мозгокрут как оружие я не применю, и не надейтесь: без наглядных уроков знаю, что нацбез не наступает дважды на одни и те же грабли. Пусть плоская коробочка в нагрудном кармане поработает в скромном режиме защиты, никаких специальных чудес мне от нее не надо.

Этим парням-скорохватам можно даже посочувствовать. Как только им удастся загнать меня в безвыходную ситуацию, я перестану стрелять только по ногам, и они об этом до-

гадываются. На десяти шагах игольчатые пули «шквала» издырявят штатный кевларовый жилет, как кисейную тряпку.

Рывок по коридору и налево. Выбита дверь – и я, не удержав равновесия, кубарем лечу на пол. Комната без окон, проходная, следующая дверь не заперта. Впереди явственно ощущается опасность, но иного пути нет. Хлесткий одиночный выстрел точно совпадает с моим броском – однако и реакция у этих ребят, мне бы такую! Мимо... Бьют по ногам, только по ногам, и правильно делают: не позавидую я тому, кто меня уколошит. Я им нужен живым и по возможности разговорчивым...

Куда это я попал? Похоже на бывший кабинет какого-то начальника средней руки: паркет со следами ковра, ореховые стены. Пускаю короткую очередь в знак того, что не задет и готов огрызаться. Наружная пожарная лестница тут как тут, за окном, я не мог ошибиться комнатой... Гнилая, еле держится... Сыплется ржавая труха. В торчащих из рамы осколках стекла отражается ясное весеннее солнышко. Не смотрю ни вниз, ни по сторонам: зеваки, если таковые уже собрались, меня не интересуют, а наружный снайпер, если таковой имеется, не рискнет выстрелить из опасения, что я сорвусь. Пока что наши интересы совпадают, а вот в оконный пролет на пятом этаже мне придется проскользнуть молниеносно...

Остается только гадать, как меня засекли в первый раз и почему они не поверили, что я мертв. Должны были поверить. Хотя что я могу доподлинно знать о способностях нац-

беза по части сыска? Кое-что знаю, но не все же... Где прокололся – неведомо. Сейчас виноват сам: повел себя как типичный преступник-дилетант, коего всенепременно тянет вернуться на место преступления, где его зачастую и берут тепленьким. А я даже до столицы не успел доехать, хотя, сказать честно, собирался взглянуть на Контору. Что за ностальгия дурацкая хватает нас по-бульдожьи в самый неподходящий момент, и поди ее стряхни с себя, ни в какую не желает она отпускать человека... Говорят, один больной костной саркомой, переживший операцию полной замены скелета, пытался потом выкупить свой подлинный костяк за безумные деньги, дабы с шиком поставить его в гостиной. («Здравствуйте, меня зовут Вова. А это мой скелет».) Увы, хирургам было недосуг возиться с ненужными костями – из гистологии их отправили прямиком на помойку, а несчастный, узнав об этом, от горя повредился в уме...

Наверняка это анекдот. Если мне не изменяет память, подобных операций, окончившихся успешно, было проведено всего три, и психика пациентов в порядке.

Бегом к лестничным маршам – и вверх, вверх!.. Успел. Теперь они меня потеряли и будут действовать по проверенной схеме: сначала плотно обложат и прочешут пятый этаж (три минуты), затем шестой (столько же), а у меня, простите, дела на седьмом и выше. Если я правильно понял, скорохватов в здании не больше десятка, исключая тех двоих, которых я ранил. Чтобы отжимать меня наверх, хватит с запасом и

пяти-шести, а остальные, видимо, блокируют выходы и лифтовые шахты на цокольном этаже. Если я и теперь уйду от них, они, пожалуй, поверят в особо ко мне расположенного дьявола с рогами и хвостом.

Чердак. Нет, не левая шахта – правая... С левой что-то неладное: то ли заперт люк, то ли кабина торчит пробкой выше третьего этажа. Некогда проверять. Две минуты на борьбу с крышкой люка – ох, много... Кабина лифта на первом этаже! Ну то-то! Нет времени обматывать ладони, да и нечем. Спускаться по тросу страшно, и надо довериться тому непостижимому во мне, что убеждает: не сорвусь. Полторы минуты на спуск. Трос скользкий от смазки и весь в занозах... Не шуметь, не сопеть! Дышать через раз. Минута на то, чтобы закрепиться и отжать створки. Если кабина сейчас тронется вверх, я рискую оказаться размазанным о стену шахты.

Фф-фу! Наверху тишина – ЭТИ умеют быть неслышными. Они не знают, где я, зато я знаю, где они. Продолжают обшаривать верхние этажи, как будто теперь в этом есть какой-то смысл.

Не разобрал, что помещалось выше, а здесь, на третьем, точно была типография. Бумажная пыль въелась на века, стены ею дышат, хотя никакой бумаги давно нет. Полуразвалившийся, образца прошлого века пресс для обрезков бросили здесь же за физическим и моральным износом. Вот и прорезанный в стене квадратный зев той коробчатой киш-

ки, что я заметил еще снаружи. Ох, грому будет... Когда-то отсюда вниз, в подставленные кузова, сыпались прессованные бумажные брикеты, гулко кувыркались пачки неходовых книг – наверно, впервые жестяная кишка будет облагорожена человеческим присутствием.

Или осквернена?..

Как ни странно, внизу с этой стороны никого. Как это они умудрились опростоволоситься – неясно. И некогда думать. Хотя микрорайон, без сомнения, оцеплен... Спасение не в том, чтобы шевелить мозгами, а в том, чтобы, точно следуя подсказке, не делать того, чего делать не надо. Мое соприкосновение с асфальтом будет ненамного более мягким, чем если бы я попросту сиганул из окна, надо попытаться притормозить... Пора! Вконец кровавая пальцы, отдираю приржавевшую крышку – гул на все здание! – ногами вперед протискиваюсь в короб и с ужасающим грохотом начинаю скользить...

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ИНСПЕКТОР —
НАБЛЮДАТЕЛЬНОМУ СОВЕТУ
(выдержка)

За отчетный период в рамках разработки «Штрек» мною и моими сотрудниками обнаружено более 500 объектов возрастом от 4 до 8 лет, могущих представлять интерес для Школы. Краткое описание материала направлено в Базу Данных «СЫРЬЕ». Подробные характеристики каждого объекта будут направлены вам в ближайшее время. Первичная от-

браковка закончена. Часть материала, подходящая по возрасту, помещена в подготовительный интернат...

19.06.2007 г.

Сшшшш... тц!.. шшшшш...

Послушайте. Нет, я не настаиваю, не хотите – не надо, дело ваше, но тогда мне вас попросту жаль, ибо нет в мире ничего прекраснее этого звука. Вы не согласны? И опять нет, я вовсе не собираюсь вас уговаривать, только этого мне не хватало для полноты счастья, я никогда никого не уговариваю, это вообще вредная привычка. Не нравится – сидите дома и будьте здоровы, вот и весь разговор.

Тц!.. сшшшшш...

Будто длинный нож точат или, еще лучше, шашку. Вдумчиво точат, старательно, без суеты. Гурда ведь, а не селедка, – голубая, в мелком рисунке, упругая полоса стали. Будто бы не ледяные кристаллы царапают сейчас мои лыжи, а скользит и скользит в кашице отработанного наждака хищное узкое лезвие: сшшшшш... сшшшшш...

Нонсенс. Может, найдется памятливым и укажет, когда еще выпадал такой день, а я не берусь. Оказывается, и в наших широтах осень на последнем издыхании способна на скромные чудеса местного масштаба: кусачий морозец, щиплющий не обывкшее еще лицо, воздух сух и плотен, прозрачности неопишуемой, а солнце работает так, будто висит над лесом последний день, но уж зато светит от души, а завтра – все, человеки, финиш, ставьте точку. И снег, братцы, снег

– алмазный, крупчатый! Четыре дня валил обильно и нудно, тут бы ему и раскиснуть мерзкой ноябрьской жижей, он, правда, и подтаял вчера немного, и осел, а сегодня по морозцу схватился так, что любо-дорого: наст держит, скольжение упоительное и лыжни не надо. Коньковый ход. И легкость, легкость движения, ни с чем не сравнимая, палки с коротким сочным звуком – тц! – вгрызаются в наст – толчок! – и только лыжи: сшшш... шшшу...

Интересно бы на досуге узнать, почему это перемещение по мерзлой поверхности на коньках обыкновенно именуется бегом, а на лыжах – ходьбой? Вот он – бег! Вот как надо. Кто хочет, тот пусть ходит, а я побегаю. Вон там, за овражком, – там ходят, трасса накатанная с утра и уже разбитая; там укрепляют здоровье угрюмые животастые слоны, больше всего озабоченные тем, как бы устоять в лыжне, и сильно не любящие ее уступать; там мамыши и папыши в вязаных шлемах, долженствующих обозначить приверженность их обладателей к лыжному спорту, дрессируют самопадающую малышню, поминутно выдирая оную из объятий сугробов, а особо ленивые уродуют трассу санками-шнекоходами, будто рядом с лыжней им места мало; вот там-то, не будь прочного наста, пришлось бы пастись и мне, лавируя и проклиная свою участь.

Не хочу. Стоит мне только подумать об этом, как сразу начинает ломить затылок, услужливый мой. Спасибо, конечно, но зачем меня предупреждать, когда я и сам знаю, чего

мне хочется. Здесь я лавирую лишь между деревьями, и они нисколько не против.

Хлоп! Еловой лапой по лицу. Не больно. Пока, елка!

Нет, один день счастья я заслужил. Сегодня я оголтелый собственник, и нынешний день – мой. Не отдам. Природа понимает, вошла в положение. После душного, банного лета, добавившего мне седых волос, после начала осени, самого жаркого за всю историю наблюдений, – такой ноябрь! Морозный подарок. Когда у нормальных людей работа в разгаре, один ненормальный имеет право посвятить выходной день расслаблению души, и Кардинал того же мнения. Если мне очень повезет, в этом сезоне я еще раз выберусь на лыжах, и сюда же.

Сшшшш... тц! Хорошо-о!..

Охраны не видно. Если я правильно рассчитал свой финт, она должна была потерять меня еще час назад. Воображаю, что сейчас творится в Конторе. Не забыть бы заступиться за ротозеев.

Сшшшшш...

Зарайск – значит «за раем», а где он, этот рай? Похоже, что здесь.

Радость в портки не влазит, как скажет непочтительный Виталька, и пусть говорит. Ему можно. Хотя, разумеется, от меня он услышит иное. Кто в его годы ни разу не схамил отцу, тот либо тихоня и зануда, от рождения пришибленный смиренными генами, либо, что хуже, может со временем вы-

расти в умную сволочь, уже сейчас прекрасно разбираясь в том, кого можно тронуть безнаказанно, а кто способен доставить неприятности – не теперь, так в будущем. Иногда из них получаются политики, и неплохие, – иные способны даже приносить пользу, если не спускать с них глаз.

Пустые мысли, как у счастливого бабуина, вырвавшегося вон из обрыдлого вольера. Краснозадого, дразнящего с крыши снаряженную для отлова команду. Вот восторг мой – тот щенячий, приматы так не умеют. Легковесны мои мыслишки, как мыльные пузыри, и того же класса долговечности. Совершенно не помню, о чем думал минуту назад. О Кардинале, что ли? О нем стоит подумать, что-то он в последнее время слишком уж приглядывается ко мне, это неспроста... Нет, не о Кардинале. Не помню, и неважно... А ведь если честно, то ты, дружок, сегодня просто сбежал, имей совесть признаться. Да и как тебе было не сбежать: знаешь ведь заранее, что сегодня обойдется без ЧП и всеобщей круговерти, так что пусть-ка Гузь покрехтит за тебя, с рутиной он справится, а нет – так гнать его в три шеи. Только уж заодно и тебя самого, дружок ты мой неопибающийся, потому что ты же его и натаскивал и в любом случае спрос будет с тебя, с нездорового вида кабинетно-полевой крысы, с загнанной клячи... вот уже и задыхаться начал, настрой не тот, на лыжах гонять разучился, пижон!..

Ощущения моего тела еще не успели превратиться в мысли о бренности всего сущего, как лес точно обрезало. Даль-

ше начинался склон с тремя трассами: «чайничьей», «мастерской» и для фристайла. Влага трос, с несмазанным скрипом крутился шкив подъемника. С тех пор как берег не замерзшей пока реки осквернили привозным грунтом, вздыбив береговой скат до кондиций горнолыжной трассы, фанаты здесь не переводятся, был бы снег. Наиболее отпетые, впрочем, и посейчас высокомерно игнорируют искусственный холм, предпочитая наезженное не одним поколением местечко километрах в трех отсюда – гораздо хуже, зато роднее. Тоже люди, что с них взять.

Я притормозил на опушке. Мимо тотчас пронеслись два парня с номерами трафаретом на спинах, и один из них взглянул на меня, как мне показалось, насмешливо. Ну и правильно, с легкой обидой подумал я, знай свое место. Не мальчишка ведь, а туда же – устроил спринтерский забег! Ну и дыши теперь со свистом, и отплевывайся, а мышцы уже дрожат и завтра болеть будут...

Парни, круто развернувшись, унеслись в лес. Спортсмены, гальванизируют подувядшую за лето форму. Если только не негласное наблюдение, что очень может быть. Поди разберись. Когда нужно, Кардинал умеет быть неназойливым.

На холме, как водится, народу было больше, однако все же не толчея. Не сезон еще. Когда снег ляжет окончательно, примяв до самой весны заросли жухлого борщевика в низинах, сюда явятся не одни фанаты. Пока что была благодать. И странную группу, скучившуюся у подножия холма подле

раскидистого одинокого дерева, я заметил сразу.

Чем-то мне не понравилась эта группа. Что-то там было неладное. Далось им это дерево. Не могут здоровенные амбалы ни с того ни с сего суесться столь бестолково, весь мой опыт говорил, что не могут без причины, и пока я, скользя вниз, давал крюка по пологим спускам, подозрение это во мне укрепилось и превратилось в уверенность.

Их было шестеро – пятеро как один загорелые, мордатые и бородатые плюс женщина. (Женщина, как водится, всегда плюс, особенно не мордатая и не бородатая.) И еще седьмой, который лежал навзничь, а отстегнутые лыжи его были брошены на снег как попало. Единственный из всех он был смирен и тих. Сломанную берцовую на правой ноге я заметил еще на подходе, да и как не заметить открытый перелом. Дело было ясное. Пригородные Пески, конечно, далеко не Чегет, однако и в местных палестинах встречаются склоны, требующие к себе определенного уважения и прямо противопоказанные всякого рода «чайникам». Любой уважаемый мною проповедник разумной трусости – я их всех уважаю! – при одном только взгляде на этот склон сказал бы, что кое-кому лучше сюда вообще не соваться, тем более с обыкновенными беговыми лыжами.

Этот сунулся. И траектория его скоростного спуска вырисовывалась для меня вполне отчетливо: наметив себе общее направление, прямое, как кратчайшее расстояние от А до Б, – балбес! балбес! – должно быть, еще и картинно от-

толкнувшись – не лыком, мол, шиты! – он так и попер, надеясь в душе, что куда-нибудь да вынесет, и вынесло поборника кратчайших траекторий точнехонько на дерево, вот на эту самую сосну, и не подумавшую, разумеется, отпрянуть в сторону. Тут траектория кончилась и началась история болезни. Анамнез: тело в позе сивуча на лежище, и два мордатых амбала подвергают его искусственному дыханию, помощники смерти.

Все-таки обнимать сосны надо поаккуратнее. Было время, когда я не уставал поражаться тупости отдельных представителей рода человеческого. Потом как-то приспособился.

Еще сверху я уловил короткий истошный крик, что мне совсем уже не понравилось, а теперь понял его причину. Пострадавший на секунду ожил и словно специально для меня произвел вопль еще раз, после чего немедленно вернулся в бессознательное состояние.

– Пррререкратить! – на ходу сбрасывая лыжи, рывкнул я, да и как было не рывкнуть.

Амбалы повернули ко мне бороды, но увечить пострадавшего, конечно, не прекратили. Понятно: спасали человека!

– Назад! – крикнул я. – Оба, немедленно! Вы же его убьете!

Глаза амбалов сделались недоверчивыми. Женщина попыталась заступить мне дорогу. Компания соображала туго.

– Ты что, врач? – сирым баском поинтересовался один.

– Я-то врач, а вот вы кто? У него же ребра сломаны! И

теперь как минимум одно из них вашими стараниями находится в легком – что, не видите кровь на губах? Какой баран придумал давить грудную клетку? А ну, отойдите к... Вон туда отойдите! Кто вас вообще учил делать искусственное дыхание?

«Бараном» я их забодал. Компания задавленно молчала.

– Это был массаж сердца, – ляпнул кто-то.

Меня передернуло.

– Еще три минуты, и ему действительно пришлось бы делать массаж сердца, только прямой. А через пять минут уже никакой массаж не помог бы. Ну-ка подержите кто-нибудь ему голову.

Они кинулись помогать, шумно дыша, топоча и толкаясь. Зацепившего сломанную ногу (отчего пострадавший болезненно дернулся, но в сознание не пришел) сейчас же огрели по шее, и он не возразил. Дуроломы, конечно, но за своего товарища они болели. Пострадавшему кое-как расстегнули куртку.

– «Скорую» вызвали? – бросил я, когда осторожное пальпирование подтвердило первоначальный диагноз.

Оказалось, не вызвали: ни у кого, видите ли, не нашлось телефона. Дыша на замерзшие руки и внутренне клопоча, я набрал код на браслете и растолковал, куда, как и что... да, хирургическое... нет, машина сядет, высылайте вертолет или вездеход... Жеребьячий оптимизм нынешних «чайников» потрясает воображение – вот вам и обратная сторо-

на нашей работы: каждый из них почему-то уверен, что те, кому это положено по профессии, волшебным образом его спасут, окажись он хоть нагишом на верхушке Эвереста. Как же, спасли одного такого...

На амбалов я и не смотрел – кто таких не видывал. Типичные попрыгунчики, как их у нас называют, совсем не худшая разновидность никчемушников, выпихнутых на обочину разгулом технологий начала века, неполно занятые, проклятие Санитарной Службы – активное, так сказать, население. Чересчур активное. Три месяца в году стонут на не шибко умственной работе, остальное время проедают пособие и мотаются автостопом где попало и как попало, от родимых весей до Огненной Земли и Антананариву включительно, азартно конфликтуя с цивилизованными туристами, которые их презируют, разнузданно костеря таможни и санитарные кордоны, – и ведь не надоест!..

При прочих равных смотреть на женщину было приятнее.

– Как вас зовут? – спросил я.

– Ольга. А вы что, правда врач?

– Нет. Был когда-то.

Она отступила разочарованно. Пожалуй, даже не женщина в начале расцвета, а девушка на излете, этакая брюнеточка большой притягательной силы, с прелестным профилем и трафаретной надписью поперек куртки: «Я жду не Вас!» Специально, значит, для понятливых. Для непонятливых, вероятно, припасен баллончик или однорежимный моз-

гокрут-пугач на батарейке, если не что-то откровенно слобойное. Плюс, наверное, какая-нибудь рукопашная школа, русская или китайская, – девочка крепенькая. Бог с ней.

Не меня ждет так не меня. Я – понятливый...

Белый с крестом вездеход подкатил через двадцать три минуты – я специально засек. Большую часть этого времени я поддерживал пострадавшего под голову и боялся асфиксии – хриплое, булькающее его дыхание не нравилось мне ничуть. Сердце работало без аритмии – как видно, обломок кости прошел мимо, и на том спасибо. Ногу я с самого начала решил не трогать – не такое было кровотечение, чтобы накладывать жгут, а бандаж перед транспортировкой наложить и без меня. Вообще-то переломы не мой профиль, потому что эпидемических переломов не бывает. Последний раз я имел дело с хирургическими больными лет десять назад и вовсе не охотился за лаврами костоправа-самородка. Черепные кости были целы, а с расплюснутым о дерево носом пусть возятся косметологи – лично я не возьмусь превращать отбивную обратно во что-то человеческое. Обтер снегом, приложил платок, тем и ограничился.

Затылок начало понемногу покалывать. Легонько-легонько, словно кто-то вонзал иголку на глубину в микрон и сейчас же выдергивал. Что-то я не то делаю. Или не так. Вернее всего, мне сейчас желательно находиться в другом месте, но это подождет недолгое время. Я знаю, какие бывают боли, когда мне действительно что-то угрожает. Сейчас было все-

го лишь осторожное предупреждение. Значит, в Контору не помчусь, здесь тоже не останусь, а аккуратненько соберу лыжи и поеду домой.

Затылок успокоился.

Ну то-то.

Кто хотя бы раз вызывал «Скорую», тот в глубине души прощает ей все, пока еще есть надежда. И будет прощать до тех пор, пока не станет ненормальным вроде меня – по счастью, большинству это не грозит. Было время, когда я сам работал на «Скорой», последовательно санитаром, зауряд-врачом и начальником реанимационной бригады. В общей сложности обязательный курс трудотерапии продолжался около года – по мысли Кардинала и его аналитиков, ровно столько, чтобы кадет в достаточной мере попотел сам и освоился с управлением микроколлективом, с одной стороны, и чтобы он при этом не успел научиться жалеть людей в ущерб делу, – с другой. Под людьми, разумеется, подразумевались подчиненные. Не думаю, чтобы мои тогдашние коллеги сохранили обо мне очень уж приятные воспоминания.

Я считал уместным притормозить врача, зябко кутающегося в халат и не слишком скоро поспешающего к больному. Врач считал уместным на ходу огрызнуться. Я показал ему «пайц-зу».

– Семнадцатая станция, я не ошибаюсь? Вы опоздали на восемь минут против допустимого. Причина?

Надо было отдать ему должное – он сохранил достоин-

ство. Я его понимал. Врач «Скорой помощи» – должность незавидная, падать невысоко.

Компания с интересом прислушивалась.

– Дороги нет. Снег, сами видите.

– Я предупреждал вас, хотя не был обязан этого делать. И все-таки вы опоздали на восемь минут...

– Может быть, вы позволите мне заняться больным? – злобно перебил врач.

Он был прав. Это я вел себя по-пижонски. Знакомая ненавистная картина: бригада дружным залпом допивает кофе и, на рысях дожевывая бутерброды, спускается вниз, где, похожие под снегом на подбитые и брошенные бэтээры, скучают несколько неисправных машин и одна-две исправных, но бесполезных, тут же выясняется, что ключ от бокса со свободным вездеходом неизвестно у кого, потом ключ находится, вездеход случайно оказывается заправленным, но шофер как раз в эту минуту болтается неизвестно где, и становится ясно, что прибыть вовремя бригаде вряд ли удастся и на вертолете, который, кстати сказать, ремонтируется уже вторую неделю и, в лучшем случае, будет ремонтироваться еще столько же... Бардак кажется самодовлеющей стихией лишь по незнанию. Его устраивают люди.

– К вам у меня нет претензий, коллега, – сказал я, уступая место. – Работайте спокойно, прошу вас. Начальника семнадцатой – завтра с утра с объяснениями к моему заместителю.

– Передам. Отойдите.

Я отошел. Врач, бегло осмотрев больного, вкатил ему антишокового и взглянул на меня так, будто это я своей рукой ломал пострадавшему ребра. Мне нравился этот врач. Компания, тоже успевшая разглядеть «пайцзу», нравилась куда меньше. Мало того что они едва не уколошили своего приятеля – теперь пялили глаза на меня. Противно, и не может быть иначе, уж не знаю – к сожалению или к счастью. В мое время кадеты, подверженные платонической любви к выставлению напоказ собственной персоны, без всяких разговоров вылетали из Школы стаями. И теперь вылетают.

Я огляделся. Посторонних зевак вокруг почти не собралось. Лязгал подъемник на полупустом склоне. Два отмеченных мною парня с трафаретными номерами торчали на самом верху и делали вид, будто примеряются к спуску. Выходит, сбежать от охраны мне не удалось... Чего и следовало ожидать.

Интересно, подумалось мне, что они предпримут, появившись необходимость срочно вмешаться? Входит ли в число достоинств ребятишек Кардинала горнолыжная подготовка?

Наверно, входит.

В затылке опять кольнуло. Зря я тут трачу время, понятно и без подсказок. Покатался – хватит. Еще повезло, что раз в году выпал день, когда мне вообще удалось подышать воздухом.

Санитары задвинули носилки с пострадавшим в вездеход. В сознание лыжный лихач не пришел, и не надо. Меньше

боли. Переломы не самые удачные, но жить и ходить будет. Сопровождать вызвалась девушка. Подружка, наверное. На жену или сестру не похожа. Ну-ну.

Кольнуло в затылке. Убираться отсюда прямо сейчас?

Именно. И без лыж – не выставят же себя шкурником, пихая их в вездеход. Кому надо – подберут, а если и не подберут, то невелика потеря.

– Сделайте одолжение, подбросьте меня до шоссе.

Врач недовольно дернул щекой:

– Если это приказ...

– Считайте, что да.

– Хорошо, – буркнул он. – Уберите из-под ног вон тот ящик и садитесь. Пусть девушка подвинется.

– Простите, вы не против? – спросил я, заталкивая металлический ящик под сиденье. Ящик сопротивлялся, под сиденье ему не хотелось.

– Нет, отчего же...

Я поймал ее взгляд и отвернулся. Она смотрела на меня, как на редкое ископаемое из триасовых слоев, неожиданно найденное на асфальтовой дорожке у городского пруда. Недовольство врача нравилось мне больше.

– Благодарю вас, – сказал я сухо.

Вездеход побуксовал, дернулся вперед-назад, зацепил наст и взвыл, набирая скорость.

– Ой... Это что, нога у вас такая твердая? Протез?

Бойкая девочка, однако.

– Это не протез, – сказал я сухо. – Это ящик. Держитесь крепче. А что вы на меня так смотрите?

– Нельзя? – спросила она с иронией.

– Лъзя.

– Никогда не видела живого функционера, – сообщила она, помолчав самую малость, и я, грешным делом, подумал, что мертвых функционеров она видела сотнями, в штабелях. – А правду говорят, что вас расстреливают, если только вы хоть раз ошибетесь?

– Нет, – сказал я, – нас не расстреливают. Нас вешают за ребро ногами в муравейник. Дрессированные спецмуравьи сгрызают заживо. Еще вопросы будут?

Вопросов больше не было. Вообще-то зря я с ней так. Ничего плохого девушка мне не сделала. Вполне симпатичная особь, хотя и не совсем в моем вкусе. Узкий подбородок, треугольное лицо, чуть вздернутый нос. Французистый тип. Лет через десять она могла бы превратиться в такую леди Белсом, убийственную зрелую красавицу, какой была подружка Фантомаса, – не того, который вечно выставлял дурачком героя де Фюнеса, а того, который выставил таковыми зрителей, так и не понявших, зачем они смотрели эту муть. (И меня в том числе. Грешен, люблю старинные киноленты.) Так вот, все шансы превратиться в леди Белсом были у нее налицо. И на лице. Я немного оттаял.

– Простите, если обидел... Как это вашего приятеля угораздило?

Что до нее, то она оттаяла мгновенно, и остаток пути мы беседовали почти дружески, словно подчиняясь соглашению: она перестала на меня таращиться, а я перестал ей хамить. («Так это вы закрыли Туву этим летом?» – «Как же, как же...» – «А зачем?» И в таком духе.) Выяснилось, что она биолог. Как ее приятеля угораздило протаранить сосну, она не понимала сама – пусть лыжным асом, по ее словам, пострадавший не был, но заведомо не был и «чайником». Нет, мозги у него не набекрень, человек здравомыслящий... А главное, никто ничего не видел, как-то незаметно все получилось. Непостижимо... Компания? Замечательные ребята, она с ними ездит не первый год, этой зимой все вместе собрались стопом в Джамагат, потому что Чегет или Домбай не каждому по карману и там своих халявщиков девать некуда, – а сегодня вот решили просто покататься по лесу в свое удовольствие.

Покатались...

На шоссе был тот же снег, только раздавленный в кашу. Водитель притормозил. Перед тем как выйти, я высветил на своем браслете номер и показал Ольге.

– Перепишите или запомните. После номера наберете вот этот код, – я поводил кончиком пальца по своей ладони. – Запомнили? Будут проблемы в больнице – звоните немедленно. До свидания.

Минуты через две, уже успев вызвать свою машину и отклонить предложение одной сердобольной дамы в новень-

ком «Импредсо» меня подвезти, я сообразил, что зря дал номер браслета. Мог бы написать дату рождения Торквемады, помноженную на число позвонков у гангского гавиала. Все равно больной будет устроен как нельзя лучше и даже с излишествами, или я ничего не понимаю в психологии нефункционеров.

Автобус был старый – из двухэтажных туристских громадин с восьмидесятиместным пассажирским салоном, поднятым на высоту, с которой страшно падать, случись авария. Что-то в последнее время аварии случаются все чаще, совсем не в пропорции к числу автотранспорта на километр асфальтовый. С чего бы? Вот и машина, блестящая и ненужная представительская игрушка, так и не пришла, пришло лишь подтверждение того, что выехала, – а где она, спрашивается?..

Малахов нахохлившись сидел у окна рядом с местом экскурсовода. Автобус и впрямь был действующим туристским, но пустым – водитель гнал не то на заправку, не то с заправки и соблазнился попутным леваком. Скорость он держал приличную – Малахов насчитал лишь три обогнавших машины. По встречной полосе не ехал вообще никто. Ровно ныл двигатель, пованивало резиной, пылью и метанолом, в багажном отделении под полом салона, судя по звуку, перекачивалось пустое ведро. В затылке, мешая сосредоточиться, с нудной размеренностью кололо тупым гвоздем, но кололо терпимо. Хватит, хватит, шептал Малахов, моргая от мелькания голых деревьев, воткнутых вдоль обочины в снежное поле. Сколько же можно, я все понял, возвращаюсь, чего тебе от меня еще нужно? Душу?

Кому она нужна, душа моя?

Проглотить таблетку? Рука сама поползла к внутреннему карману, и Малахов ее отдернул, неслышно выругавшись. Нет, позже. Если станет совсем уж неспособен. Притом лучшая таблетка от головной боли – думать и действовать правильно, разве нет?

То-то же.

Иногда он ненавидел свой дар, благодаря которому уже год держался в функционерах и был намерен продержаться еще два – до конца своего срока. А потом тихо-мирно и желательно навеки остаться Первым консультантом при Контроле, чтобы пестовать преемника, дай бог ему всяческих удач. Его, Малахова, некому было пестовать – предшественник, Путилин, сгорел вчистую после Липецкой катастрофы. Даже не стал ждать Суда Чести, понял сам, что шансов нет. Пуля-дура, мозги на полу, семья на заслуженной пенсии. А ошибочка вначале казалась такой ма-а-аленькой, он и не понял, что это была ошибка, не было у него врожденно-принудительного чутья правильного решения... Шестое чувство? Не знаю, не считал – шестое, седьмое... Хоть бы и девятое. С половиной.

Подлое свойство, но полезное... Детство и отрочество, как, впрочем, и юность, прошли в беспрестанных экзаменах, отборах, вечной боязни отсева, страхе оказаться хуже других, и почти всегда Малахов знал, как и что отвечать. Точнее, благодаря спасительной боли в голове он всегда знал, как

НЕ НАДО отвечать, а это уже очень много для того, кто не полный кретин и не патологический лодырь. Он был в числе лучших – у него хватило ума не стремиться быть САМЫМ лучшим. Тут его дар не мог подсказать ничего, и Малахов додумался до этого сам, много лет спустя поздравив себя с первым случаем неболевого предвидения: гении становились экспертами при Конторах, в редких случаях – ближайшими помощниками и никогда – функционерами. Он понимал, что не является ни самым талантливым, ни самым работоспособным среди сверстников; другие работали, как волю, и все равно проигрывали ему во всем по неочевидной для них причине: у них не было врожденного ЧПП, как называл его Малахов, – Чутья Правильного Пути. Некоторые из них вообще не знали, что такое головные боли.

С возрастом пришло раскаяние, потом как-то рассосалось. Платой за личное благополучие было страдание, иногда совершенно невыносимое. В тринадцать лет, используя увольнительную для бестолковой прогулки по улицам, он был внезапно брошен на тротуар чудовищным взрывом боли и даже не почувствовал, как рядом с ним что-то жестко стегануло по асфальту, и дергающее легкое воздействие шагового напряжения тоже ощутил не сразу. Он понял, что спасен, когда в двух шагах от себя увидел извальянный в пыли контактный провод надземки, невесть отчего лопнувший и хлестнувший с эстакады вниз и вбок. Никого не задело и не убilo током, единственной жертвой должен был стать он...

если бы за секунду до этого не упал от вспышки, расколовшей череп. Глупый провод давно забылся, а боль помнилась долго, и несколько ночей он просыпался с криком.

Один везучий человек из толпы, оказавшийся вовремя в нужном месте, стоит десяти гениев, сказал как-то Кардинал совсем по другому поводу. И он был прав.

А ведь это нонсенс, подумал Малахов. Что опять неправильно, почему болит? Не поймешь, что делаешь не так, пока сам же мордой об забор, а нет того, чтобы прямым текстом да огненными письменами в небеси...

Не дождешься. Ползи сам, человеке, щупай руками темноту и радуйся, что ты не такой, как другие: те не только слепы, но и безруки. Ты-то руку отдернешь вовремя, а потому так тебе и надо: плати болью, терпи и не жалуйся.

Автобус начал сбавлять ход, длинно пропищал тормозами и остановился перед коптящим контейнеровозом. Водитель постучал из кабинки снизу:

– Эй, не взглянешь? Тебе там виднее – надолго эта бодяга?

Малахов взглянул. За дымчатым передним стеклом желтый колобок солнца низко завис над длинной вереницей застрявших в пробке автомобилей; теперь стало понятно и то, почему не прибыла вызванная машина, и то, что вопреки обыкновению дорожная полиция признаков чинопочитания не проявила. Значит, серьезно...

– Хвост на километр, не меньше.

Водитель ругнулся и приуныл. Малахов попросил выпу-

стить его наружу, сказав, что дальше доберется сам, сунул водителю половину оговоренной суммы – тот покривился, но возражать не стал – и, морщась, спустился по трапу. После бездумной пробежки на лыжах мышцы уже побаливали, и первые метры по шоссе он шел раскорячкой. Машины в пробке стояли плотно и безнадежно. Кто-то из водителей нервно курил, сплевывая в окно, кто-то степенно прохаживался, со знанием дела объясняя желающим про ремонт на объездной трассе, несколько человек, собравшись в кучку, травили анекдоты, зябнул на ветру одинокий мотоциклист, а из кабины дальнобойного трейлера-мастодонта доносились смех, сопение и женские взвизги. Никто не сигналил – то ли понимая бесперспективность этого занятия, то ли боясь штрафа.

Боль в голове притихла, зато начали мерзнуть ноги. Малахов мрачно бил подошвами стылый асфальт, надеясь, что затор когда-нибудь кончится. Почему-то он подумал о том, что сверху, если подняться повыше, это должно быть похоже на маршевую колонну муравьев – длинную, сосредоточенную на одной цели живую нитку. Только эта колонна не двигалась.

Барьеры, закрывшие проезд, и оцепление он заметил раньше, чем разглядел следы аварии. Судя по всему, две машины со всего маху столкнулись лоб в лоб. Одна, желтая семейная «Изабель-турист», смятая в гармошку, чудом осталась на шоссе, вторую отнесло в кювет. Малахов присвист-

нул про себя, прикидывая силу удара. Обломки расшвыряло по трассе метров на пятьдесят, одно колесо закатилось и того дальше – в поле и тоже зачем-то было ограждено переносными барьерами, а на шоссе, бегая от одного фрагмента к другому, сустились люди в форме и в штатском. Слышался скрежет – с таким надрывающим душу звуком режут изувеченные автомобили на предмет извлечения тел. Разверстой кормой на изготовку притулилась к обочине машина «Скорой». И тут же, в некотором отдалении от места трагедии, хмуро наблюдая за действиями своего «летучего отряда», бродил взад-вперед сам Нетленные Мощи. Случайный плащ-самогрев, явно с чужого богатырского плеча, болтался на нем, как полощущийся парус на фок-мачте.

Увидев Малахова, он обрадовался:

– Уже пожаловал? Ну и нюх у тебя, Миша. Уважаю.

– Взаимно, – сказал Малахов, высматривая по ту сторону барьеров свою машину. В затылке внятно кольнуло и застучало молоточком. Не страшно: первый звоночек. Общаться дольше необходимого с Нетленными Мощами Малахов был не намерен.

– Это хорошо, что ты приехал, – продолжал Нетленные Мощи. – Воздухом дышал, да? Ботинки, вижу, лыжные... Уважаю. Мы активный отдых рекламируем всячески... погоди, а почему ты не на машине? От самого города, что ли, на лыжах пер?

– На надземке приехал.

– Да ну? – сказал Нетленные Мощи. – А машина твоя тут, тут. Ты уж прости и не обижайся, мы ее придержали. Извиняешь?

Теперь закололо в висках. Нетленные Мощи придвинулся вплотную, сверху вниз заглядывал в лицо. Малахов даже отшатнулся – настолько Нетленные Мощи, он же Иван Рудольфович Домоседов, могущественный человек, походил сейчас на одетый в плащ рослый скелет, туго обтянутый выделанным неизвестным бракоделом пергаментом. Привыкнуть смотреть на него без содрогания удавалось не каждому. И кожа-то вся в жилках, едва ли не с прозеленью...

Дальше отшатываться было некуда. Дальше были барьер и профессиональный разговор за барьером: «Бомж какой-то... Машину установили – угнанная». – «А второй?» – «А... его знает. Отскребут – посмотрим».

– А я-то думаю: что ты будешь делать, если я не извиню, – фыркнул Малахов. – Считай, извинил. Что это твои гаврики тут роятся?

– Сам видишь – происшествие.

Малахов пожал плечами. В голове пылало уже по-настоящему. Он даже испугался – такого с ним не случалось давно. Но какой-то черт продолжал тянуть за язык.

– Ты-то здесь при чем? Где духовное здоровье, где физическое...

– А, – Нетленные Мощи махнул рукой. – Почему бы нет? Кто их указывал, мои границы? Где они? Простой нюх и

минное поле. Поди разберись, где подорвался – в границах дозволенного или вне границ. – Он ухмыльнулся. – Сам знаешь, как у нас: либо ты обезвреживаешь мину, либо она обезвреживает тебя. Проигрывает слабейший, как и полага-ется.

– Я это запомню, – сказал Малахов, через силу улыбнувшись. – Позволишь цитировать? Кстати, а если без красивостей?

– Бога ради, – Нетленные Мощи откашлялся и простер костистую длань. – Разделительного барьера тут нет, сам видишь. Некий псих выезжает на встречную полосу и шпарит не меньше ста шестидесяти. Три часа назад, выходной, считай еще утро, машин почти нет. Навстречу ему гонит второй псих и тоже по встречной полосе. Скорость не меньше. Что происходит? Вместо того чтобы разминуться, они, заведя друг друга, одновременно выезжают на разделительную линию. Результат... вон валяется. Два трупа. Причем что интересно: столкновение было умышленным. Если бы они хотели разъехаться, уже будучи на разделительной полосе, – разъехались бы, секунды три у них было. Вот тебе и духовное здоровье на блюдечке. Убедил?

– Нет, – сказал Малахов. В голове пылал огонь.

– Миша! – вдруг с нескрываемой мукой простонал Нетленные Мощи. – Ну не могу я сейчас, Миша! Только не обижайся, вон и машина твоя стоит, шофер уже скандалил... Нет, стой! – он внезапно схватил Малахова за рукав. – Ты по-

годи. Видишь ли, тут такое дело... Или нет, лучше езжай, ничего я тебе сейчас не скажу, все равно не поверишь... Давай завтра, а? Ты мне очень нужен, без тебя у меня хрен чего... Плохо мне без тебя будет, чую. Завтра заезжай ко мне с утра, лады? Что, нет? С утра не выйдет? Ну пусть не с утра... – Нетленные Мощи торопился, плюясь словами в ухо. – Прямо в Контору, а? Посидим, побеседуем в «берлоге», есть о чем... Миша, я тебя прошу, очень нужно. Приедешь?

Малахов кивнул, и тут боль обрушилась лавиной. «Нет! Нет! – отчаянно крикнул он про себя, хватаясь за воздух руками. – Интересно, упаду ли?» Он еще покивал: приеду, мол, не сомневайся...

Вон отсюда! Немедленно!! Бежать!!!

И боль в голове исчезла. Сразу. Малахов почувствовал, как его шатнуло. Это было как удар, почти мучительный – вот так, сразу, без боли...

– Что с тобой? – участливо спросил Нетленные Мощи. Он снова был самим собой, Ибикусом, торчащим из поднятого ворота плаща, и та странная вспышка отчаяния, что была только что с ним, – была ли?

– Ничего, – буркнул Малахов. – Уже прошло. На лыжах набегался, воздухом надышался. Слабогрудое городское дитя. Я ж на рекламу твою падок, ты знаешь...

В машине было тепло, и ноги мало-помалу отогрелись. Двухсотметровая колокольня недавно возведенного дорож-

ного храма Христа За Пазухой с широчайшими проездными воротами для Третьей Кольцевой автотрассы уже нависла и царапала шпилем небо, когда Малахов вновь обрел способность соображать. Боль делала вид, что ее и не было, таилась за углом с кистенем наготове, подлая спасительная тварь. Что бы все это значило? Хм... опять огненных писем в небе захотел?

Анализировать можно было сколько угодно. И – как угодно. И прийти к каким угодно выводам. Адова мука, давно такой не случалось, – а все-таки не швыряющая наземь, как тогда, под лопнувшим проводом надземки. Значит, можно допустить, что прямой угрозы жизни не было. Это важно, это надо запомнить. Зато могла быть угроза здоровью, приказ сматываться немедленно, что и было сделано. Например, от резки металла мог рвануть бак, и какой-нибудь осколок... Вполне возможно, хотя почему-то кажется сомнительным – наверно, потому, что соблазнительно-просто. Ладно, это мы оставим как вариант.

Что еще?..

Угроза карьере? Вот это гораздо ближе к теме, подумал Малахов. Когда ударило по-настоящему? Когда Нетленные Мощи стал зазывать к себе, а я и подумал: «Почему бы нет?»... Точно. Так и подумал. Заинтриговал меня Нетленный, это во-первых, а во-вторых, какой же функционер откажется перехватить кусок у своего ближнего? Нонсенс это, никогда такого не бывало, если только не пытаются спихнуть

с рук на руки заведомый, очевидный всем «мертвяк». Каждый – сам себе центропурист, и Нетленные Мощи лучше бы завял, чем излагать старые байки про определение границ. Кто их не знает – то есть байки, а не границы. Границы деятельности Контор существуют на бумаге, там им и оставаться навеки, потому что иначе невозможно ни жить, ни работать. Четыре Конторы, и каждая контористей других...

Стоп, стоп!.. Малахов с опаской погладил затылок и переменил позу, устраиваясь поудобнее. Что-то тут не то. Объяснения Мощей – истинно детский лепет на лужайке, их и объяснениями назвать срамно. Что он делал на месте заурядного ДТП – вопрос номер раз. Видно, наклюнулось что-то серьезное и притом в удобном месте – интересно было бы посмотреть, как бы он перекрыл на три часа Московский тракт... Впрочем, если подумать, катастрофа как раз не самая заурядная. Лоб в лоб, смерть в смерть, будто заранее сговорились два придурка... Может, конечно, так и было. Не спасли ни гидравлические бамперы, ни ремни безопасности, ни надувные подушки – при скорости соударения свыше двухсот не спасет вообще ничто, если в машине сидит физическое лицо с инерцией, а не бесплотный дух... Кстати, почему вообще произошло столкновение? При неработающем радаре отключится компьютер управления, а при отключенном компьютере не заведется двигатель и машина встанет на тормоза. Допустим, они сумели – обоим пришла в голову одна и та же мысль! – обмануть всю многоступенчатую систему

безопасности, хотя мало кто знает, как это делается, я, например, не знаю...

К дьяволу, подумал Малахов. Пусть дорожная полиция занимается придурками... Тут же неприятно вспомнился лыжный лихач, поборник кратчайших траекторий. С ума все посходили, точно. Приспичило им: один – в сосну, двое – друг в друга. В такой-то день расчудесный – помирать! Психи. Жить надоело – иди еще выпей и не осложняй окружающим существование. Впрочем, наверняка совпадение, но – любопытное.

Чепуха, отмел Малахов. Это потом, это детали. Почему Нетленные Мощи юродствовал и прицепился как банный лист – вопрос номер два. Иван Рудольфович Домоседов, единственный в новейшей истории функционер, успешно завершающий второй трехлетний срок правления своей сатрапией, – и на тебе, риск потери лица, вегетативная нервная на пределе прочности...

Интересно знать, зачем ему Малахов Эм Эн? Ничего не понятно. Как ежик в тумане – собственных колючек не видеть. Кстати, можно попробовать сразу же отсеять гипотезу об опасности здоровью на месте катастрофы. Значит, так: завтра же встречаюсь с Нетленными Мощами, знакомлюсь с его проблемой и...

Тонкий гвоздик в затылке. Раскаленный. Шевелится. Отсеяли...

Мазохисту бы такой дар, извращенцу-мазохисту!

– В Контору, Михал Николаевич? – спросил шофер у развязки. Машина замедлила ход.

Малахов ладонью стер со лба выступивший пот:

– Нет, Володя. Домой. И не очень гони.

Только легкое покалывание напоминало о боли. Что ж, получил поделом: не лезь, куда не следует, и не будешь бит, как неразумный хазарин. Отстаньте и не трогайте меня, жалобно подумал Малахов, сегодня я болен. Заползу под одеяло и буду там жить, если только не развалюсь по дороге...

Еще через минуту он твердо решил, что ни к каким Нетленным Мощам прикладываться завтра не станет – и сам не поедет, и у себя не примет. Ни завтра, ни в ближайшие дни. Ни за что. Под любым предлогом.

– О, привет, пап! – Виталька был дома.

– Привет, – сказал я, обстукивая обувь о крыльцо. От грохота каблучков из подвальной отдушины вывалился незнакомый черный кот и, задравши толстый хвост, наметом учесал в кусты боярышника. Кошек я уважаю за то, что они не любят падать с крыш, но уж если падают, то никогда не впадают в истерику и сохраняют достоинство. Рассудительные звери. А этот еще и храбр – чужак, нагло впершийся на чужую территорию. Значит, в самом скором времени на снегу под окнами ожидается побоище за вид на жительство в моем подвале. Музыки будет...

– Погоди, я разденусь.

– Ага, пап. Ну тогда я пока поиграю.

Он улетел обратно в гостиную, откуда тотчас донеслись приглушенные взрывы, пальба и матерная, надо полагать, ругань истребляемых космических монстров на туземном языке. Стало быть, на этот раз что-то безобидное, а коли так – пусть играет. Наше дело не встревать без нужды в естественные процессы.

Я затворил входную дверь и содрал с ног лыжные ботинки. Поцарапанные о наст лыжи оказались тут как тут – аккуратноенько сохли у стены между нишей для верхней одежды и вон той выступающей паркетинной в углу, которая скри-

пуче вопит и пугает непосвященных, если на нее наступить. Пусть сохнут.

Быстро же они добежали...

Я переоделся в домашнее и не отказал себе в удовольствии наступить на паркетину и исторгнуть из нее визг. Вот так. Соблюдя ритуал и обозначив таким образом свое присутствие, я отправился в душ, а оттуда в гостиную – халат, тапочки, мокрые волосы (есть еще чему намочать!) и никакой головной боли.

Я люблю свой дом. Прежде чем перейти к Конторе, он был виллой, отобранной у какого-то мафиозо, исчезнувшего приблизительно во времена возобладания гуманизма над практицизмом, когда подобных ему перестали привязывать к авиабомбам и начали просто сажать. (Недавно приходил один старец с замашками матерого лагерника, надо-едал охране, просил впустить. Я впустил, и он, осмотрев и повздыхав ностальгически, впал вдруг в истерику при виде перестроек в доме, так что пришлось вежливо попросить его восояси.) Уж не знаю, кто жил в этом доме между мафиозо и мной, да и не хочу знать. Зачем? Мне здесь нравится, и почти ничего не пришлось менять, ну разве что для Виталькиных игр, когда он наезжает, я повесил в гостиной тканый коврик-компьютер с веселеньким узорчиком, а на противоположной стене – громадный коврище с моей коллекцией боевых топоров. В ней есть почти все: от японского ма-сакири-кай до франкской обоюдоострой франциски (рекон-

струкция, конечно, середина прошлого века) и еще много чего между развешанными по краям чуть наклонно изящной испанской алебардой XVI века и нашенским простоватым бердышом.

Виталька давно на коллекцию зубы точит. Это он зря. Только после моей скоропостижной и безвременной, а раньше – шиш...

Перед малым ковриком страхолюдное голоизображение искромсанного в винегрет инопланетного монстра внезапно произнесло по-русски «Козлы вы все!» и захлебнулось инопланетной кровью. Виталька заржал.

– Как мама? – спросил я.

– Хорошо. Велела привет тебе передать.

Дежурный вопрос, дежурный ответ. Чего тебе еще нужно?

Ничего...

Так зачем ты лезешь в то, что давно перестало быть твоей жизнью, а?

Зачем, зачем... Наверно, затем лишь, что, кроме контейнера мишурных условностей, в каждом из нас прячется что-то такое – то ли комплекс вины (а за что?), то ли комплекс главы семьи (очухался!), то ли...

Стоп, хватит. Проехали. Остаточный затихающий вихрь воздуха за последним вагоном...

– А как в гимназии?

– Нормально.

– Да?

– Правда, нормально, пап. – Виталька посмотрел на меня обиженно: еще, мол, сомневаешься. Глубокая царапина шла через его скулу вниз и наискось. Сегодняшняя.

– Дрался? – спросил я.

– Не. Дуэлировал.

– Ясно... С «болваном»?

– И без ограничений, – похвастался сын.

Вот как.

Резиновый «болван» – здоровенная орясина с тупой рожей, управляемая компьютером. Лазерные сканеры игрового комплекта «Поединок» отслеживают перемещение живого противника, «болван» парирует и наносит неконтактные удары – треск, звон, и беги вон. Летит с потолка известка, сыплются на пол антикварные мамины вазы. Развлечение для несовершеннолетних. (Извечная ошибка отцов заключается в том, что они без всяких оснований считают своих чад умнее, чем те есть.) А без ограничений – это уже внове. Справились, значит. Довели до ума прекрасную игрушку для отвода от окружающей среды природной агрессивности юного поколения! У Домоседова будут неприятности – он, помнится, горячо рекомендовал «Поединок» к широкому распространению.

– Кто колот защиту, не знаешь? – спросил я без особой надежды, внутренне кипя и не показывая виду. Жаль, неосуществима идея: создать сеть ЛТП для больных дурным программизмом и упечь туда особо злостных хакеров – пусть

дорожки мостят и кусты стригут в рамках приведения планеты в порядок.

Сын замотал головой:

– Не знаю, пап.

– На чем дрался-то? Рапиры?

– Тесак и дага.

– Ладно, что не булава. Ближний бой, значит? И – кто кого?.. Впрочем, уже вижу.

– Да ничего подобного! – Виталька даже подскочил. – Посмотрел бы ты, как я его!..

Искрошить в винегрет «болвана» невозможно – не инопланетный виртуальный монстр. У него под резиновой шкурой гибкая ажурная броня из чего-то высоколегированного. Но падает, корчится и вопит он весьма натурально.

– Я думал, ты уже не мальчишка.

Сын промолчал.

– Глупо получать раны, – сказал я. – Да еще от «болвана». Он тебе голову мог снести.

– Не снес же, – резонно возразил сын. – А шрам на лице – украшение мужчины, ты сам говорил. По-моему, ничего получилось, почти как я хотел... – Он потрогал царапину и вовремя среагировал, когда я попытался треснуть его по рукам.

– Да мыл я руки, отец, мыл!

– Шрам на роже, шрам на роже для меня всего дороже, – сказал я, остывая. – Не выдумывай чего не было. Когда это

я говорил тебе такую глупость?

— У всех настоящих ребят шрамы, почему у меня не должно быть?

Я махнул рукой. Вечно равняю Витальку с собой, а напрасно: я в пятнадцать лет был кадетом Школы, какие уж тут игрушки со шрамами. Настоящие шрамы всегда внутри. Нет, это хорошо, что он как сын функционера не имеет доступа в Школу даже теоретически. Счастливее будет. Что еще нужно родителям, как не счастье детей?

На этой банальности меня на время зациклило, и я какое-то время смотрел на сына с некоторым, боюсь, умилением, чего категорически не рекомендуют ни лженаука педагогика, ни простой родительский здравый смысл. Хороший у меня парень, ей-ей. Ростом, правда, не дотянул, мне едва-едва по плечо, а девочки дылд любят, вот ему и понадобился шрам, как бушменке. Для привлекательности. Вообще-то еще год или два, чтобы вытянуться, у него есть, это только девчонки вымахивают под стандарт одновременно с половозрелостью, так что отчаиваться рановато.

Хуже то, что ему не передался мой дар ЧПП, не выпала удача в генной лотерее. Тюкнуло бы его слегка в темечко — пять раз поразмыслил бы, прежде чем лезть, размахивая тесаком, на свихнутого резинового дебила. Нет, в том, что Виталька — мой сын, я никогда не сомневался, но он и сын Юлии, вот в чем дело. Без сомнения, и мои родители не обладали ЧПП, иначе просто не сели бы в одну машину с во-

дилой-леваком, накурившимся анаши...

Столько лет познаю сам себя, а так и не познал. И уже, видно, не судьба. Ген, вероятно, рецессивный и вообще взявшийся неведь откуда или, допустим, неизвестно как активированный – бывает же изредка у некоторых людей НЕОСОЗНАННОЕ чувство опасности, стопроцентно иррациональное, но верное. Вроде ощущения чужого взгляда на затылке. Как говорится, читайте книги. У Сократа вроде бы имелось что-то такое, что он обзывал словечком «демоний», этакий внутренний оберег – по свойствам похоже, но без головной боли. (Удобная штука, комфортная. Однако хотел бы я посмотреть, как он, Сократ, отказался бы вовремя унести ноги из Афин, терпи он то же, что терплю я! Мой личный «демоний» злобен, но дело знает.)

Пожалуй, у кого-то из моих бабушек-дедушек мог быть этот ген, трое из четверых прожили достаточно долго и без особых жизненных потрясений, хотя вычислить, у кого, я уже пытался – не вышло. Мать и отец были поздними детьми, так что мои бабушки-дедушки умерли еще до моего рождения; вместо живого родословного древа – десяток фотографий и несколько ничего не значащих минут видеозаписи. На вид люди как люди. Очень может быть, что я единственный на Земле носитель этого гена, хотя утверждать наверняка трудно: какой же человек в здравом уме станет об этом болтать? Проговорись об этом я – и быть бы мне, пока мужских сил хватит, не функционером, а дипломированным

производителем на сдельном жалованье. Я даже приличную базу данных по этому вопросу не составил – побоялся...

О чем это я? О Витальке.

– Курил сегодня?

– Не-а.

Я протянул сыну сигареты:

– Кури.

– Не хочу, пап.

– Надо. Во второй природе живешь, ею же и дышишь, как заводной. Медицина рекомендует: не меньше пяти в день. На, полечись.

Целебную сигаретку он взял нехотя и так же нехотя зажег – мне еще пришлось уговаривать его затягиваться поглубже и расправлять диафрагму, а парень только морщился. Нет существа, с большей охотой вредящего собственному организму, нежели человек, а в пятнадцать лет – втройне, потому что жизнь сапиенса проста, неинтересна и не стоит ею всерьез заниматься.

– Может, сыграем во что-нить, пап?

– Сейчас. Позвоню вот только... – Я переключил свой связник на компьютер-коврик: – Гузя мне... Как дела, Виктор Антонович? Справляетесь?

Вид у Гузя был запаренный.

– Помалу справляемся, Михаил Николаевич. Вы дома?

– Дома. Звоните по «шухеру», если что срочное.

– Хорошо, Михаил Николаевич.

Я дал отбой и повернулся к Витальке:

– В «Сделай сам» хочешь?

– М-м... В войнушку, а?

Я кивнул. Пусть и в войнушку. Под «Сделай сам» можно бутерброды есть и кофе пить. После лыж в самый раз.

– Битву при Лепанто разыграем? Я могу за турок.

– Не. Ну их, эти галеры, скучища. Что мы с тобой еще не разыгрывали? Давай Бородино, пап. Только чур я за Наполеона.

Ох бонапартист... Держись, сынку, сейчас умыть буду.

– А насморк?

– Какой насморк?

– Обыкновенный. Насморк в этой игрушке заказывается? У Наполеона в день Бородина насморк был. И нос распухший, красный.

– Читай Толстого, пап, – Виталька и здесь был на высоте. – Насморк не в счет. Ну так и быть, буду иногда носом шмыгать.

– Идет, – сказал я. – А какое оружие?

– Любое, кроме массового поражения.

– О! И танки?

– И вертолеты.

– Тогда поле боя надо увеличить раз в двадцать, – прикинул я. – На этом тесно... Или в сорок?

– Давай в двадцать. Но при сохранении пропорций. – Виталька изменил масштаб. – Годится?

– Угу... И по ставкам командования тактическими ракетами не лупить. А то знаю я тебя...

– Заметано. А по резервам можно?

– По резервам можно. Выдвигай из глубины скрытым маршем, тогда, может, и не повыбью. Ты у нас Наполеон Буонапарте, тебе и треуголку на уши.

Виталька картинно поправил несуществующий головной убор и запустил ладонь меж пуговиц рубашки.

– Похож?

– Ты еще почешись там... Сейчас ты у меня будешь похож на маршала Даву после контузии, – грозно пообещал я. – Сейчас от тебя, голубчика, перья полетят... Начали?

– От кого полетят, а от кого и не очень...

Бумкнула первая пушка. Свистнул и улетел куда-то голографический снаряд. Утренний туман висел над полем, стекал с холмов, копаясь в низинах. Только что взошедшее светило с подозрением взирало на происходящее, решая, принять ли участие во всем этом безобразии или закатиться обратно. Это было мудрое и осторожное светило, я его понимал.

Почему-то я ждал, что Виталька первым делом двинет вперед мотопехоту Нея и танки Даву, нацеливаясь на прорыв укрепрайона «Флеши», но он, не желая буквально повторять тактику своего героя, пока ограничился артподготовкой, сосредоточив на моем левом фланге огонь четырех полков самоходной артиллерии и шести дивизионов установок залпо-

вого огня. Меня только радовало, что я не Багратион и не обязан торчать там на виду для поднятия боевого духа. «Черные береты» Дельзонна попытались форсировать Колочу, в двадцатикратно увеличенном масштабе – вполне серьезную водную преграду, мосты через которую я, солидаризуясь с Барклаем, тут же и подорвал заранее заложенными в быки радиоуправляемыми фугасами. Образовалась заминка.

Плавающие танки Груши ударили южнее, морская пехота захватила плацдарм на восточном берегу и принялась расширять его к северу. Под прикрытием авиации инженерные части «французов» довольно быстро навели понтонные переправы. Я дал им закончить работу, после чего бросил на истребители противника полк «Су-217», и, пока в небе шел воздушный бой, две волны моих штурмовиков без суеты мешали понтоны с карасями, водорослями и донным аллювием. Так Буонапарте сопливому и надо – прикрывай переправу основательнее! Выпустив ракеты по понтонам и потеряв всего одну машину, штурмовики сделали круг и выжгли полплацдарма напалмовым «ковром». Знай наших. Остатки переправившихся частей были сброшены в реку мотопехотой Милорадовича. Я специально выбросил перед Виталькиным носом крупный масштаб и молча ткнул пальцем в берег, заваленный черными куклами в классических скорченных позах сгоревших заживо.

– Не надо, пап...

– Ладно.

Что ни говорите мне, а гениальный человек выдумал эту игрушку. Люблю сослагательное наклонение вне реальности! Будь я на месте Нетленных Мощей – непременно добился бы обязательного введения «Сделай сам» в гимназиях и раз в неделю на 45 минут выгонял бы всех и всяческих учителей к чертовой бабушке – пусть юные циники посмотрят сами, без назидательных подсказок, им будет полезно... вот и Виталька поскучнел, не выйдет из него Буонапарте, а чего еще умному родителю от чада надо? Какого рожна?

Это я-то умный родитель? Гм...

Проехали.

Я послал те же штурмовики утюжить изготовившийся к взлому моей обороны бронированный кулак Даву, Нея и Жюно и напрасно сделал: здесь Виталька держал очень серьезные средства ПВО, и мои штурмовики гробились почему-то зря, не нанося противнику существенного урона. Внезапный артналет тоже получился жиденьким: на левом фланге от моей обороны уже почти ничего не осталось, кроме минных полей, и эти-то поля эскадра Виталькиных «Миражей» просеивала в мелкую муку кассетными бомбами. Грохотало и выло так, что затыкай уши. Ну ладно... По перепаханному на метр в глубину грунту как танки Даву, так и БМП Мюрата пойдут не слишком шибко, что мне и надо, так что до Семеновского оврага (в нашем масштабе – каньона) под перекрестным огнем и ударами с воздуха дойдет едва ли половина бронированной армады, где и упрется, а в обход мне

ее надлежит не пущать до тех пор, пока спецназ Платова и десантники Уварова не проведут отвлекающую диверсию на правом фланге...

– Забавно, – сказал Виталька, когда его наступление начало выдыхаться, а я выбросил десант у него в тылу. – Почти как в двенадцатом году, разве что масштабы другие. Только ты поторопился, пап. Кутузов послал Платова и Уварова позже – я еще твой центр почти не атаковал. А вообще – соответствует. Та же самая тактика и у Наполеона, и у меня. Собственно, тут само напрашивается. Вот если я попытаюсь обойти твой левый фланг – ты что сделаешь? Бросишь резервы. И получится у нас встречная танковая мясорубка, как под Прохоровкой...

– Много ты понимаешь, – сказал я. – Наполеон вовсе не собирался всерьез атаковать левый русский фланг, сказки это. Ему пришлось пойти на вариант, который он с самого начала считал запасным. А знаешь почему?

– Почему?

– Потому что русскими войсками командовал Кутузов, а не я. Наполеон умел прорывать боевые порядки, а наш лукавый царедворец никогда не мешал противнику сполна пожать плоды своих заблуждений. Вот посмотри на первоначальное боевое расположение русской армии – ну не бездарно ли? А между тем для французов были приготовлены две ловушки, и только по чистой случайности ни одна из них не сработала.

– Это какие же, пап? – сын, конечно, не поверил. В его возрасте ничему не верят. А если ловушка с приманкой не захлопывается, она называется кормушкой. Все правильно.

– Во-первых, корпус Тучкова. Это была меньшая из двух ловушек и всем известная. А главная – батарея Раевского, как ни странно. Как ты думаешь, почему из шестисот с лишним русских орудий центр позиции защищало всего восемнадцать? Что за махровое дуrolомство, если не вредительство, а? Кто и почему отвел пехотное прикрытие?

– Ну? – спросил Виталька.

– Батарея должна была героически погибнуть максимум на втором часу сражения. Что должно было произойти дальше? Ну, я слушаю.

Сын пожал плечами.

– Ежику понятно, пап. Наполеон должен был ввести в прорыв ударные части, чтобы развить успех и рассеять армию противника надвое, одновременно сковав боем фланги, – сил для этого у него было достаточно.

– Правильно мыслишь, – похвалил я. – Мысли дальше, дело хорошее. Предположим, так и произошло. Теперь ты Кутузов. Твои действия как полководца русской армии?

– Ну, – наморщил лоб Виталька, – я попытался бы подтянуть резервы... особенно артиллерийские. И – прямой наводкой! Сражения бы не выиграл, но от полного разгрома армию, может, и спас бы.

– А если резервы разместить заранее?

– То есть? Погоди, ты хочешь сказать...

– Именно. Вот здесь, – я эффектно обвел пальцем полукруг, – у Кутузова стоял мощнейший артиллерийский резерв и – одновременно – артзасада. Худо бы пришлось Буонапарте, прямо скажем... А не захлопнулась ловушка по одной простой причине: батарея Раевского продержалась впятеро дольше ожидаемого, произошел редкий случай, когда героизм солдат послужил помехой замыслам полководца. Приказ защитникам отступить в начале сражения был бы дик, а потом стал невозможен: вся армия смотрела на героическую батарею, как на знамя, а Кутузов всегда адекватно оценивал моральный фактор... Короче говоря, он понял, что ничего изменить нельзя, и приказал убрать засаду. Вот так-то подлая реальность гробит администрирование. Еще и хуже бывает, только реже.

Пока Виталька, морща лоб, переваривал, сражение застыло. Окутанная сизым дымом установка «Ливень» как присела набок после залпа с двухсот направляющих, так и забыла выпрямиться. По виртуальному небу перед Виталькиным носом со скоростью амебы в тихом пруду плыл крупнотонажный реактивный «чемодан» с кассетной головкой, и отшелушивалась с его сопла обгоревшая краска.

– Правда так было, пап?

Я развел руками.

– За что купил, за то и продаю. Поговорку о том, что все тайное становится явным, придумали идиоты для самоуспо-

коения. Убедительная версия, и только. А ты не замечал: чем дальше от времени события, тем больше версий, причем каждая убедительнее предыдущей?

– Ну, пап! – Виталька развеселился. – Этак что угодно можно как угодно...

– Можно и нужно, а ты думай. Полезное занятие для умных людей.

События на поле сражения перестали соответствовать какому бы то ни было историческим параллелям, когда я увидел флотилию бронекатеров на воздушной подушке, крадущуюся по Колоче в кильватер. Сами по себе они ничто, но вот как поддержка при форсировании... Очевидно, Виталька готовился к выдвижению крупных сил с последующей попыткой прорыва моего центра. Ну, это он зря. Кстати, насчет бронекатеров, равно как эсминцев, авианосцев, ракетноносных субмарин и прочих флотских посудин, мы не договаривались, и коль скоро Виталька играет на грани фола, то можно и мне...

Моя диверсионная группа как раз перекрыла створы водосбросов скоренько возведенной в тылу противника плотины, чтобы, накопив водички, в нужный момент вызвать хорошее цунами по всему дефиле в речной долине, когда тихонько и неслышно для Витальки вякнул вызов «шухера». Ага, то-то я чувствовал, что не следовало мне сегодня чересчур увлекаться активным досугом. Так и есть.

– Поиграй пока без меня, лады?

– А ты куда, пап?

– Позвонить надо. Я быстро.

Ясно было видно, что Виталька побывал и тут, наверху. Наверно, пытался оживить аппаратуру, чтобы узнать, в какие такие игрушки играет отец. Малахов хрюкнул. Как же, оживил один такой...

– Малахов слушает! – сказал он, падая в кресло. – Виктор Антонович, ты?

– Простите, Михаил Николаевич, – тон у Гузя был виноватый. – Есть тут одно дельце. Разряд «Периферия», спешное. Я мог бы и сам, но подумал: может быть, вы лично...

Малахов прислушался к ощущениям. Затылок не хулиганил.

– Сам не решаешься, значит? – благодушно сказал он. – Так и быть, давай сюда свое дельце, а сам отключись. Проверю.

– Обижаете, Михаил Николаевич...

Гузь исчез, а вместо него в экран попало широкоскулое, коричневое от загара лицо в пятнистом кепи – пол-лица наискось срезано тенью козырька. Лицо вроде бы знакомое. А резкое же у них солнце, подумал Малахов, – этак и рак кожи заработать недолго, а мазаться озоновым кремом и блестеть, как надраенный сапог, – это увольте, это не для нас, у нас гордость имеется. Военная каста, оголубевшая кровь... Ага, узнал. То-то меня поразило в прошлый раз в этом полков-

нике: форма спецназовская, кокарда пограничная, а петлицы ПВОшные – без двух минут воннегутовский воздушный десант морской лыжной пехоты...

Бывает.

Увидев Малахова, полковник слегка дернул щекой и козырнул – с заметным пренебрежением к настырному стрюцкому, сующемуся не в свое дело:

– Полковник Юрченко.

– Слушаю вас, полковник. Что на этот раз? Опять воздушный нарушитель?

Позади полковника Юрченко низовой ветер трепал колючие кусты на солончаке и суматошно катились, обгоняя друг друга, потрепанные шары перекасти-поля. Один, особенно крупный и неуклюжий, попав в стоячий вихрь, все время забавно подпрыгивал, то появляясь над погоном полковника, то исчезая.

– Точно так. Самолет типа «Майский жук», скорость около трехсот, идет ущельями, общее направление движения север-северо-запад. Шесть минут над нашей территорией, – он посмотрел на часы. – Простите, уже семь... Ведем надежно, дублируем слежение через спутник. – Он чуть заметно покривил губы, но справился с собой. – Разрешите действовать?

– Подождите, полковник... – сказал Малахов. – Просветите неуча: что это за «Майский жук» такой?

Полковник Юрченко вздохнул.

– Малый грузовоз на три с половиной тонны груза максимум. Широкофюзеляжный, с кормовой и носовой аппарелями. Экипаж – два человека. В штатном варианте не вооружен. Почти беззвучен – два ванкеля с хорошими глушителями. Ближайший аналог по летным характеристикам и назначению – старый немецкий «Арадо-232». Хорошо механизированное крыло, весьма низкая посадочная скорость плюс нетребовательность к площадке. Гусеничное шасси с активной подвеской. При необходимости это дерьмо может сесть на заболоченный луг, – полковник покосился через плечо на изглоданный ветром солончак и подпрыгивающие мячики перекатипполя – или, например, на лесную вырубку. При необходимости сядет аварийно и на курумник, только оттуда уже не взлетит...

– Благодарю вас, понял. Ваши соображения о цели полета?

– Ущельем им лететь еще минут девять, далее путь только на запад. Там дрянное нагорье: холмы, горушки, сухие балки. При сверхнизком полете есть где укрыться от радарного контакта, и они это знают. В каком-либо из местных кишлаков у них наверняка перевалочная база.

– А спутниковое слежение?

– Через пятнадцать минут спутник уйдет за горизонт.

– Только один спутник?!

– Это вопрос ко мне? – осведомился полковник.

Он был прав.

– Вы полагаете, у них может получиться?

– В позапрошлом году получилось, – буркнул полковник.

– Простите, я неточно выразился, – сказал Малахов. – Меня прежде всего интересует не маршрут, а характер груза. Наркотики?

– Весьма вероятно.

– Может быть, оружие?

– Тоже возможно.

– Или террористическая группа?

– Не могу полностью исключить и этого.

– А если беженцы?

– Крайне маловероятно. – Он сделал пренебрежительный жест. – Эти обычно идут пешком.

– Мне бы вашу уверенность, полковник. Что вы намерены предпринять в отношении этого самолета?

– Сбить, как только он выйдет из ущелья.

Так и есть, подумал Малахов. Спасибо Гузю – не пустил дело на самотек. Значит, сбить... И собирать обломки в радиусе двух километров, а вернее всего – выжигать эллипс разброса подчистую. И то нет гарантии даже на девяносто процентов. Суслики. Байбаки. Мыши. Упорная жизнь, способная пересидеть в норах какой угодно катаклизм. Недоставало нам нового природного очага на своей территории. Будто мало существующих.

Малахов откашлялся.

– Сбивать самолет запрещаю. Вы слышите меня, полков-

ник?

Полковник Юрченко снял кепи и вытер лоб. На сожженной, в мелких морщинах коже резко обозначилась белая полоса от козырька. И поздней осенью нет у них в природе улады. Бьющее наотмашь азиатское солнце. Азиатский упорный ветер, как нескончаемый, сводящий с ума напев. Азиатская сушь.

Одну секунду полковник Юрченко глядел в экран и думал. А потом он сделал то, чего Малахов никак не ожидал от хорошо выдрессированного голубокрового военного. Он был изумлен, и он спросил:

– Почему?

– Вы в курсе, что он летит из чумного района?

– Тем более – сбить.

– Интересно, полковник, – иронически сказал Малахов, – зачем вы вообще связались со Службой, если и сами все знаете?

Полковник Юрченко демонстративно вздохнул:

– У меня есть приказ сотрудничать с вами.

Малахов тоже вздохнул:

– Насколько мне известно, у вас имеется не ограниченный сроком действия приказ о безоговорочном выполнении указаний Санитарной Службы, исходящих с уровня не ниже моего заместителя. Окружному отделению Службы вы, конечно, не подчиняетесь, хотя лично я думаю, что это неправильно... Все верно или я что-то перепутал?

На коричневом лице перекатились желваки.

– Все верно.

– Итак, полковник, – сказал Малахов. – Слушайте внимательно и попробуйте только отключиться. Сбивать самолет категорически запрещаю. Приказываю посадить его неповрежденным где-нибудь подальше от населенных пунктов, колодцев и троп. Место выберите сами. Я свяжусь с Мошковым, вы его знаете? Очень хорошо. Он перебросит к вам мобильную группу. Запомните: после посадки ваши люди осуществляют только внешнее прикрытие. С беженцами – если там беженцы – будут иметь контакт только люди Мошкова, и ни в коем случае не ваши. Всему участвующему в операции личному составу пользоваться средствами индивидуальной биозащиты. Все. Действуйте.

Полковник Юрченко исчез из кадра. Малахов позвонил Мошкову и после краткого разговора с минуту смотрел на пустынный ландшафт. Ничего в нем не было интересного, кроме редких колючек, перекасти-поля и одинокого солдата, мучительно пытавшегося свернуть в бухту длинный, волочащийся по земле кабель.

Надо было ждать. Малахов отделил пол-экрана и позволил компу выбрать канал телевидения. Там была искусственная метель за окном, и пышнотелая русоволосая секс-дива, по сценическому имени – Воспламеняющая Задом, с улыбкой а-ля Джоконда на румянном лице деловито снимала с себя валенки, ватные штаны и телогрейку. Национальный мод-

ный колорит. В куче сброшенной на пол спецодежды глаз невольно искал какой-нибудь ломик или разводной ключ, но, наверно, девушка оставила инструмент за дверью. Помянув недобрым словом Нетленные Мощи и Службу Духовного Здравоохранения Населения, Малахов вырубил канал.

– Через две минуты переключим на изображение с вертолета, э-э... – говоривший, явно не зная, как обращаться к Малахову, немного помычал и, не дождавшись подсказки, умолк.

– Понял вас.

Хорошо англосаксам, мельком подумал Малахов. У них «сэр» – и точка.

Он стал смотреть на Виталькины игрушки, столпившиеся на полке над экраном. Давно пора их выбросить, тоже мне реликвия... Дракона вот оставлю, эта игрушка у сына любимая была, а остальные – на помойку.

Механический дракон с ноздрями, похожими на лунные кратеры, вроде бы принюхивался. Он не возражал. И голографический портрет Кардинала, висящий над полкой, тоже не возражал, хотя и не относился к игрушкам сына. Это был умный портрет, он обо всем имел собственное мнение. Малахов вспомнил, как Кардинал, зная о портрете, однажды по доброму погрозил пальцем. Только один раз. Наверно, понял, что Малахов держит у себя портрет не из сентиментальных чувств или подхалимажа, а ради напоминания о возможных последствиях ошибки, и воздержался от отеческого на-

гоняя.

Ради напоминания о последствиях – оно полезно...

Затылок вел себя прилично, а значит, все шло как надо. Бесспорно, полковник Юрченко очень хотел бы разобраться с нарушителем по-своему и без лишнего шума, но как раз этого нельзя было допустить. Если хочешь чего-то добиться от много о себе понимающих структур, надо периодически подтягивать поводок, это Малахов знал твердо. Иначе на запросы будешь получать информацию той же степени достоверности, как байка о том, что жареная курица снесла яичко, годное к инкубации, и работать станет невозможно.

Малахов попытался прикинуть, откуда может лететь этот самолет, а потом вспомнил слова о том, что «Майскому жуку» не нужен специальный аэродром. Значит, откуда угодно... ну, не совсем откуда угодно, все-таки горы, хотя мест для взлета – посадки и там наверняка хватает. Не суть важно, главное – заразный район, кашмирская кожно-легочная форма чумы, черт бы ее побрал, мерзость редкостная... Конечно, наркотики или оружие куда вероятнее. А если люди? Десятка четыре – или сколько их там? – беженцев, добровольно идущих на страшный риск, чтобы только улететь от войны, от чумы, от голода... Женщины, дети, просто отчаявшиеся люди. Куда угодно, на чем угодно, только подальше от смерти – туда, где людям привычнее жить, чем умирать. За перелет с них могли взять все, что они имели, и еще сверх того. Могли оставить в заложниках брата, сестру, ребенка...

На опиумных тропках, да еще во время войны, всегда не хватает носильщиков.

Ничего, подумал Малахов. Мошков с ситуацией справится, пусть там даже половина заразных. Карантинный лагерь в пустыне – лучшего места не придумать.

Изображение на экране поменялось. Озвученная тонким свистом турбины и дребезжащим рокотом винта, по холмистой пустыне далеко внизу побежала узкая хищная тень вертолета. Пузатый самолет шел ниже, неуклюже пытаясь маневрировать, а по обе стороны от него, догоняя, неслись два «Ка-80» – нарушителя брали в «клещи». «Борт три, дай еще одну», – приказал кто-то. Длинно и внятно простучало, трасса прошла выше самолета.

– Ага! Уразумел, садится.

Пузатый самолет пошел навстречу своей тени, коснулся ее и после короткой пробежки встал. Вертолет, примериваясь, сделал разворот и завис, пустыня набежала снизу, брызнул в сторону вырванный потоком воздуха куст, изображение заволокло было поднятой пылью, но тотчас отвернулось вбок, и Малахов увидел, что второй вертолет тоже садится. Третий остался в воздухе, облетая по широкому кругу место посадки самолета.

Затылок не болел.

Ротор приземлившегося вертолета работал на холостом ходу, и в пыльное облако из брюха машины сыпались люди в пятнистом. Разбежались в стороны, беря самолет в полу-

кольцо... Группа Мошкова запаздывала, но должна была появиться с минуты на минуту. Малахов успел подумать о том, что на самом деле не так уж часто бывают ситуации, когда одна минута решает все, на этот раз операция должна пройти благополучно, если только военные не проявят излишней прыти...

В фюзеляже самолета откинулась кормовая аппарель. Мелкий сгусток огня выскочил из черного зева и кинулся, казалось, прямо в глаза.

На секунду Малахов ослеп и оглох. Изображение дернулось, задрожало и начало заваливаться набок. Летели какие-то клочья. Медленно, ничком в потрескавшуюся чужую землю падал солдат в истерзанном осколками хаки. Еще один шустрый огненный комок – или так показалось? – метнулся ко второму вертолету, не долетел и рассыпался брызгами. Видимо, там не зевали.

Кто-то отдавал команды лающим голосом.

Потом самолет подпрыгнул, разломился пополам и скрылся в кучевом облаке огня, дыма и пыли, и где-то вне кадра тонко кричал раненый, кто-то яростно матерился, а полковник Юрченко рычал с ненавистью прямо Малахову в лицо и указывал на убитого:

– Твоя работа, гад, твоя... Не отмоешься вовек, понял? Эта кровь на тебе, слышишь, ты!..

И по-прежнему, справа налево пересекая застывшую в экране жуть, катились и катились, подпрыгивая, невесомые

шарики перекаати-поля.

Малахов сглотнул всухую.

— Принято к сведению, — сказал он. — Теперь вот что: место посадки выжечь начисто, и вокруг тоже, насколько возможно. Учтите ветровой вынос. Всем участникам операции сегодня же пройти повторную вакцинацию, и вам также, полковник. Выполняйте.

...Огнеметы еще работали, когда он выключил связь.

ГЛАВА 2

Суицид

Полная свобода делать все, что ты хочешь и как ты хочешь, – это, в сущности, не более, чем свобода вообще ничего не делать.

Норберт Винер

– И следует понимать так, что вы снова его упустили? Только отвечайте четко: да или нет?

– Да.

Лицо отвечавшего осталось неподвижным. Бритая голова, сбитый на сторону кривой нос и мощные шейные бугры, распиравшие ворот сорочки, делали его похожим на боксера-профессионала. Лишь капельки пота на лбу выдавали страх, зато спокойный голос не изменился ни в какой модуляции, констатируя:

– Мы его упустили.

– Упустили во второй раз, прошу вас заметить. Ну и как же вы собираетесь объяснить это обстоятельство?

– Честно, шеф?

– А как вы думаете?.. Правильно, молодец. Когда можно будет врать, я скажу.

– Простите. Если честно, то не знаю.

– Вот даже как?

– Именно так, шеф. Совпадение случайностей, вы же знаете, как это бывает. По всем канонам, мы должны были его взять, голову даю на отсечение... Да что там, в той ситуации и толковый профессионал вряд ли ушел бы, а ведь он, как я понимаю, никто. Да я его сам видел, вот как вас вижу, – чистый шпак, ничего толком не умеет. Лопух, одно слово...

– Однако этот лопух, как вы позволили себе выразиться, оставил ни с чем и вас, и вашу команду экстра-класса. Любопытный лопух, вы не находите? Кстати, для чего вы его вообще загнали в тот дом?

– Пришлось пойти на запасной вариант, шеф. Взять его на улице не представилось возможным.

– Не представилось – или он вам не представил? Впрочем, достаточно. Меня совершенно не интересует, почему он сумел от вас уйти, действия ваших людей анализируйте сами. Меня также очень слабо интересует, что вы намерены предпринять, чтобы впредь ничего подобного не повторилось. По сути, меня занимает только один вопрос: когда этот человек будет доставлен живым и по возможности невредимым сюда, в этот кабинет? Так когда же?

– Простите, шеф, мы его потеряли. Найдем, конечно, это вопрос нескольких дней. Проработка вероятных мест посещения, регулярные объявления о разыскиваемом маньяке с приметами объекта, показания очевидцев, папиллярная идентификация в общественных местах... Наследит обязательно. Поверьте, шеф, если он не забрался куда-нибудь в

тундру, найти его – две недели максимум, а взять – вопрос техники. Случайностей больше не будет, обещаю. Мы его возьмем.

– Ну-ну. Между прочим, хочу еще раз напомнить, что применение форсированных спецсредств при задержании объекта вам категорически запрещено. Он мне не нужен ни с полной амнезией, ни с частичной, так что ничего психотропного, кроме табельных мозгокрутов, вы меня поняли?.. Кстати, у него есть комп. Полагаю, вам сообщили, что за последнюю неделю объект дважды выходил в сеть через спутник, используя свой пароль, – и, чувствует мое сердце, еще выйдет. Полагаю, это обстоятельство облегчает вашу задачу?

– Разумеется. Однако позволю себе заметить, что местонахождение объекта определяется с точностью до пяти километров: спутники связи просто не предназначены для целей пеленгации абонента. Мы, конечно, блокировали выявленные районы, однако безрезультатно. Разве что заменить спутник на более соответствующий нашей задаче или перераспределить спасательные и навигационные сети на поиск одного человека... Шучу, шеф, извините.

– Не извиняйтесь. Об этом стоит подумать. Может быть, вы правы.

– Еще раз простите, шеф... вы серьезно?

– Вполне. Помните, вас по-прежнему не должно касаться, кто этот человек, но для его отлова нам с вами позволено пойти на любые издержки. Я хочу, чтобы вы накреп-

ко усвоили: жизнь этого человека дороже вашей раз этак в миллиард, да и моей тоже. И мне он нужен живым. Вы меня поняли? Только живым.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

на Малахова Михаила Николаевича,
2001 г. рождения, воспитанника подготовительного интерната Школы

2-й экземпляр – в архив Школы (База данных «ПОРОДА»)

3-й экземпляр – в личное дело Малахова М.Н.

Кандидат: Малахов М.Н., 12 лет, в поле зрения наблюдательного совета с 2007 г., в интернате с 2011 г. (зимний набор), прошел полный курс подготовительного обучения.

Родители: отсутствуют.

Родственники и друзья вне интерната: отсутствуют.

Психика: устойчивая.

Темперамент: смешанного типа со слабо выраженным преобладанием флегматизма.

Восприятие действительности: адекватное.

Фобии: специфически детские, незначительные.

Общительность: удовлетворительная.

Порочные наклонности: не замечены.

Тяга к лидерству: достаточная.

Возрастная агрессивность: умеренная.

Деструктивность: крайне умеренная.

Интеллектуальный уровень: соответствует требованиям.

Логические способности: не выше средних по группе.

Интуитивные способности: исключительно высокие.

ПРИМЕЧАНИЕ: вероятно, врожденные. При благоприятных условиях не исключено дальнейшее совершенствование.

Общая субъективная оценка: уверенно положительная.

Результаты голосования по кандидатуре:

За: 5. Против: 0.

Наблюдательный совет подготовительного интерната Школы считает необходимым рекомендовать перевод кандидата Малахова М.Н. в основной состав учащихся.

14.09.2013 г.

Если на клетке слона написано «буйвол», не верь глазам своим – это мы проходили, это все знают.

Ну а если на клетке африканского слона висит табличка «Слон индийский»?

Некоторые поверят.

Эти и подобные мысли иной раз посещают меня на подходе к серому зданию на углу Мерецкого и II Ополчения. Дом как дом, в высоту не лезет, нечего ему делать повыше птиц, пониже архангелов, зато занимает полквартала и стоит несокрушимо, как стоял когда-то Иерихон, пока Иисус Навин не выслал под его бастионы духовой оркестр. Показного памятника лягушкам – мышам – собакам – дроздофилам, убиенным во славу науки, в сквере перед парадным входом мы не держим – ни к чему науке слава, из-за которой придется гонять гринписовцев, – зато по обе стороны от массивных дверей, оскорбляя зрение стилевым разнообразием, живут вывески.

Их несколько, среди них одна или две – поскромнее – обязательно околomedicalного характера, скажем, «Комиссия по санитарии общественных транспортных средств» или даже «Институт вакцинации АН (филиал)». (Любопытно, кого бы он вакцинировал? Академиков?) Встречаются и более забавные, но я давно уже перестал утруждать себя их запоминанием, к тому же они время от времени меняются. Неко-

которые из них нагло врут, порой вызывая неловкость даже у меня, другие не говорят нормальному человеку ровным счетом ничего; есть и такие, что утверждают сущую правду — никому не нужную, как не нужны в этом здании организации, не принадлежащие Конторе, а организации, так сказать, виртуальные места не занимают, за это ценное свойство их и выдумывают специальные люди.

(Жаль, ни с кем из них я близко не знаком. Подкинул бы пару идей.)

Не входите в Контору с парадного подъезда, не советую. Там вы найдете армию брюзгливых чиновников, беглый взгляд на которых рождает две мысли: о невозможности заставить их выполнять прямые служебные обязанности и о скорострельном пулемете как предмете воспитания. Гузь специально таких подбирает, у него к этому талант, и он втайне гордится лучшими экземплярами. Первый и второй этажи отданы им, их обитателей так и зовут — «нижние» — в топографическом значении этого слова, без всяких обидных намеков. Любопытно, что многие из этих трилобитов всерьез убеждены, что делают большое и полезное дело, — никто с этим не спорит и спорить не собирается, хотя нужны они лишь для того, чтобы тихо хоронить указания свыше и ограждать тех, кто действительно работает, от вредного влияния улицы.

И в этом смысле они действительно делают большое и нужное дело.

Настоящая работа делается не здесь, и я не иду к лифту через парадный вход, где меня все равно не знают. Круглым путем ближе, и неохота лишний раз говорить «ша».

Стоп. Приехали.

Вид у Гузя взволнованный, но самодовольный.

– Все в порядке, Михаил Николаевич.

Значит, мой вчерашний эксперимент по спихиванию с себя ответственности прошел успешно.

– Рад слышать. Что у нас новенького по миковирусу?

– Вчера ничего, – торопливо объясняет Гузь. – А сегодня, вот буквально полчаса назад сообщили: одна из сывороток, кажется, обнадеживает. Эффективность та еще, но обезьяны живы. А одна, кажется, выздоравливает.

– Отлично, – я на ходу фиксирую информацию и не прошу более подробных данных. Лет пять назад я бы с большой охотой полез в детали, потому что случай действительно уникальный, и мешал бы людям работать, – но теперь вся эта наука не для меня. Отстал и лишь иногда вспоминаю ностальгически. Не та профессия. Функционер – диагноз на всю жизнь. Вы мне скажите, где очаг, а уж кордоны я сам расставлю.

Вот так вот.

Санитария, слава богу, консервативна, так что я до сих пор обычно понимаю, о чем идет речь. Если практикующий врач желает быть в курсе новинок, дабы не выродиться в фельдшера, он должен учиться непрерывно, и времени на

больных у него уже не остается. Заколдованный круг. Когда я развиваю эту малопопулярную тему вслух, то иногда прибавляю: «Вот потому-то я и пошел в санитарные врачи».

Хотя, конечно, не поэтому.

Однажды мне пришло в голову, что Моисей не зря водил евреев по пустыне сорок лет, ох не зря. Нет, вовсе не для того, чтобы вытравить из богоизбранного народа рабский менталитет – это позднейшие красивые выдумки. Гнилая лепра пряталась меж беглецов, выкашивая одного за другим, и бронзовокожие фараоновы солдафоны, хоть и преследовали изгнанных, отнюдь не горели желанием догнать их, тем более умертвить. Надо думать, они вообще боялись приблизиться к ним на полет стрелы, особенно с подветренной стороны. Хотя лично я полагаю, что эти вояки здорово преувеличивали опасность: наверняка египетские власти, убоясь эпидемии, гнали взащей всех и всяких подозрительных, так что на одного реально больного приходилось вряд ли меньше десятка здоровых беглецов или изгнанников – называйте как угодно. Лес рубят – щепки летят, всем известное дело. Сорок лет скитаний в пустыне понадобилось для того, чтобы все, кто мог заболеть, заболели, сгнили и умерли. Как известно, инкубационный период проказы в отдельных случаях может достигать двадцати семи лет, так что Моисей немного погорячился, но в целом поступил как грамотный санитарный врач – да и санитарно-полицейские власти сопредельных стран, надо думать, не дремали. Оно, конечно, сорока-

летний карантин по нынешним временам – излишне крутая мера, но в те времена, видимо, вполне оправданная.

Эпопея о миковирусе имела начало в середине лета и крови людям попортила немало. В самом прямом смысле. Очаг в Брянской губернии. Очаг в Воронежской. Пока гром не грянет, мужик нипочем не перекрестится, а наделавший в штаны санитарный врач, соответственно, не схватится за чан с карболкой. Какому ненормальному, скажите, могла прийти в голову мысль всерьез взяться за изучение вирусов не человека, не животных, не культурных растений даже – грибов! И какой, спрашивается, функционер не обломал бы умнику руки, дабы тот не отвлекался на ненужное и не клянчил средств? Выяснить, отчего тот или иной вирус, никогда прежде человеческим организмом не интересовавшийся, вдруг ни с того ни с сего оказывается для человечества смертельной угрозой – иное дело, но на этой задаче не одно поколение вирусологов сточило себе зубы до корней, а воз и ныне там.

Грянуло. Каким-то чудом за Уралом осталось чисто, а на Восточно-Европейской равнине к началу августа очагов насчитывалось столько, что на карте стало тесно от флажков. Ну может ли дачник, схрумкавший жаренную с луком сыроежку, предполагать, что получит что-либо, помимо удовольствия? В самом худшем случае – ботулизм или прямое отравление микотоксинами, так ведь, как сказал бы Виталька, никто не заставляет есть плохо проваренные мухоморы!

Чувство юмора у парня вполне медицинское. Это не диагноз, это возраст.

О чем это я? Опять о Витальке.

Нет, о грибах.

Повезло в одном: клиническая картина заболевания на первых стадиях напоминала эпидемический менингит, а в таких случаях Служба реагирует почти рефлекторно. В те безумные недели мой гнусный «демоний» донимал меня почти непрерывно и особенно жестоко. Болела бы лучше пятка, в самом деле, а не голова! Я и думать не мог – просто тыкал пальцем наугад, и, если попадал, боль в затылке на время успокаивалась. Во всяком случае, контактный путь распространения инфекции мы перекрыли. Гузя, тянущего на себе всю проблему, я заездил – тот ходил синий, как сатанинский гриб на срезе, и спать забыл. Менингококк не обнаруживался, хоть волком вой. К тому времени, когда в крови инфицированных был найден уникальный вирус и точно такой же был выделен из собранных в очаге грибов (поначалу из груздей, кажется), количество заболевших исчислялось десятками тысяч, а число летальных исходов перевалило за три сотни и продолжало расти с пугающей быстротой. Потом забрезжил свет в конце туннеля. Ныне первичное исследование закончено, методы лечения нащупаны и проверяются, а скоро, по-видимому, можно будет говорить о вакцинации. Я предложу, чтобы новый вирус был назван именем Гузя, если тот согласится поделиться своим именем с дрянью, угробив-

шей полтысячи человек.

– Ага. Есть какие-нибудь проблемы на мою голову?

– Все под контролем, Михаил Николаевич.

– Да?

Я начинаю крутить носом, а Гузь торопится провести меня мимо туалета. Из-за закрытой двери слышно водопадное шкворчание струй, низвергающихся из-под потолка на кафель, и гм... запашок.

– Сапожник, когда сапоги себе пошьешь? – вопрошаю Гузя.

Вопрос риторический, и, если Гузь просто пожмет плечами, вместо того чтобы засуетиться, значит, я в нем не ошибся.

Он так и делает.

Я затыкаю нос и несу в себе свой воздух, как снаряженный батискаф. Развиваю узлы. Черт знает что, но так устроен мир. Скорее автомобили перестанут сталкиваться, самолеты падать, а люди пороть глупости, чем в обозримой Вселенной появится хоть один действительно работоспособный сортир, не перескакивающий по собственному почину в режим реверса.

– Это тоже у вас под контролем, Виктор Антонович?

Гузь тушует.

– Вчера трубу прорвало, Михаил Николаевич, – говорит он с таким видом, будто сам же трубу и проковырял, а теперь стесняется. – Бригаду ждем с минуты на минуту.

– А вы знаете, с чего начинается любое порядочное учреждение? – учу я. – Не с вешалки, это вас ввели в заблуждение. С сортиров! Каковы сортиры, таковы и люди, можете мне поверить. – Я морщу лоб, пытаюсь сказать о сортирах еще что-нибудь умное, но тут грохот обрушившегося колена гнилой трубы выводит меня из затруднения. Шум за дверью становится громче.

– Вчера были сантехники, Михаил Николаевич, – оправдывается Гузь. – Не приглянулись они мне что-то, особенно один, ну я их и отослал. И в отдел безопасности команду спустил на всякий случай.

Ага. Как что, так в отдел безопасности. Бдительность у нас на высоте. А то как бы сантехник не поставил «жучка» в туалетный бачок...

На самом деле Гузь не так уж не прав: взаимный шпионаж между Конторами имеет долгую и славную историю. Дело святое. Что-то, конечно, утекает на сторону, без этого не обойтись, но не думаю, чтобы очень много. Контора Конторе глаз не выключает, как бы ни пыталась. А что до источников информации Кардинала, то отследить их нашими домопрошенными методами, насколько мне известно, еще никому не удавалось.

– Спасибо, Виктор Антонович, идите. Я у себя.

Обхода сегодня не будет, но все же выбираю кружной путь. Концентрация мозгов на этом этаже поражает воображение. Еще бы отдел безопасности сюда перетащить – но нет

места и незачем портить людям настроение.

Управленцы. Иду дальше. Аналитический отдел. Надо заглянуть к Лебедянскому, но потом. Дальше. Группа перспективных исследований, специально выделенная для зубастого молодняка, – все на местах и рвутся в бой. Свора трудоголиков. Один бедолага спит на диване, видно, работал ночью, а они на него навалили каких-то папок... К двери приколоты две бумажки с дежурными афоризмами. На той из них, что висит повыше, криво оторванной от рулона, начертано: «Воистину Аллах знает, а вы не знаете! Коран»; вторая же – явно чья-то посторонняя инсинуация – сообщает: «Оборванные, голодные, греются на солнышке, микробов ловят. Артем Веселый».

Это верно, это про них.

Буква «х» в слове «Аллах» не удалась и похожа на дефектную хромосому...

Дальше!

– Ой, здравствуйте, Михал Николаевич!

– Здравствуйте, Фаечка. – Мастерю на лице улыбку. – Все хорошеете, вижу. Ну что у нас нового на «Урании»?

Фаечка слегка краснеет – она вовсе не смущена, но ей хочется сделать мне приятное. На компьютере – стандартная фальшкартинка для шефа. Меня не проведешь.

«Урания» – это не та космическая станция на орбите Луны, которую монтируют вот уже пятый год, а игра типа «Сделай сам», забава для молодых сотрудников, и теперь мне уже

не дознаться, кто ее выдумал. Вообще-то лучшего средства для отвода пара в свисток трудно придумать. Кажется, их «Урания» названа не в честь известной музыки, а в честь Урана, вокруг которого якобы обращается, и рассчитана тысяча на двадцать человек. Каждый играющий вносит в сценарий свою лепту, и иногда получается довольно забавная пародия на Контору. Меня, как я понимаю, они вывели в образе сурового завхоза, и не далее как позавчера я совместно с уборщицей героически отразил попытку проникновения на станцию инопланетной шпионско-диверсионной группы – «и пошли они, шваброй гонимы...». Бывало и похуже.

– Так что новенького, Фаечка?

– Скучно, – жалуется она. – В кают-компании объявлен конкурс анекдотов про камергеров Дурново и Хреново. Пока ничего интересного. Самодеятельная цирковая труппа показывает икарыйские игры в туфлях на шпильках. Кто-то сливает топливо, а может, оно само испаряется. Криминальная хроника: два случая нанесения телесных повреждений, одно изнасилование, драка с побитием стекол в офисе Третьего помощника, один случай сексуального преследования... В общем, скука смертная.

– Да уж. А преследование – кого кем? Мужчины женщиной, надеюсь?

– Педераста ребенком...

Ой.

– Звонили от Президента, – сообщает Фаечка.

Так. Шутки в сторону.

– От какого президента? – пробую уточнить я.

– От Президента Конфедерации. – Фаечка слегка обижается: мол, со всякими другими президентами мы и разговаривать не станем. – Опять дело о таможне. Я записала, вот.

Читаю. Так и есть: таможня не дает добро (правильно делает!), и тяжба набирает градус. Три недели назад наша инспекция тормознула в Чопе пару рефрижераторных составов с биологическим материалом – сомнительным сырьем для чего-то типа искусственных овощей. Они, то есть составы, и посейчас там стоят – и мы не пропускаем, и словаки, разобравшись, стоят насмерть, как спартанцы у Фермопил, и назад через свою территорию – ни-ни. Как всегда, мы кому-то не нравимся, и нас пытаются образумить: мол, без этой мороженой цитоплазмы завод встанет, и люди жить перестанут и в осадок выпадут, коли останутся без удобных в упаковке кубических помидоров, каковые, если послушать, они предпочитают всяким там круглым, с куста. Биологическая опасность горлопанов не волнует, хотя сами они этих помидоров жрать небось не станут, а напомнить им про губчатую энцефалопатию – тут же занюют: «Так это ж когда было...» В последнее время в ход идет все более тяжелая артиллерия: сегодня президент, завтра, наверно, Кардинал. А послезавтра кто? Лично господь с молнией в карающей деснице на замахе?

Комкаю листок в шарик, чтобы лучше летел, и со злостью

мечу в корзину. Попал.

Фаечка – вся внимание.

– Почему слово «президент» писано с заглавной буквы? – спрашиваю я пока спокойно, но внутренне клокоча. – Что это вам – имя? Прозвище? Топоним? А слово «бог» вы тоже с заглавной буквы пишете, Фаечка?

Моя секретарша пожимает плечиками, потупя разрисованные глазки. Вряд ли подобные материи входят в круг ее интересов, зато она точно знает, что сейчас я начну отводить душу.

Уже начал.

– А бог – имя? – Я уже ору. – Саваоф! Саваоф его имя, или Брахма, или Иегова, или еще там как-то, а «бог» – всего лишь должность этого существа в штатном расписании Вселенной, вам ясно? Должность! И уж будьте так любезны писать это слово с малой буквы, а «президент» и подавно – субординацию надо блюсти! Понятно?!

– Это ведь не я, – хлопает ресницами Фаечка, пытаюсь оправдаться. – Это диктотайп. Не я же для него софт писала, Михал Николаевич...

– Так найди мне обормота, который его писал! – гремлю я.

Фаечка принимается мелко дрожать – подыгрывает мне, умница, не очень убедительно, но старательно.

– Михал Николаевич, я сейчас расплачусь...

– Вольно, – команду я. – Слезы на сегодня отменяются, а смех придержи немного. Президенту отпиши так: мол, Са-

нитарная Служба не находится в подчинении государства, о чем и напоминаем с нижайшим нашим почтением. Желаем всех благ и впредь подобными пустяками просим не беспокоить. Да накрути побольше словес поддипломатичнее, шишки на ровном месте это любят... Сделай побыстрее, и шоколадка за мной.

– Триста тринадцатая, – сообщает Фаечка.

Не понял.

– Чего триста тринадцатая?

– Шоколадка. Вы обещаете, а я учет веду.

– Bravo, Фаечка, – говорю я. – Когда наберется ровно пятьсот, дайте мне знать, и я вывалю на вас все сразу. Купание в шоколаде, идет? Или лучше в шампанском?

– Согласна в мазуте, – плотоядно улыбается Фаечка, – если только вы рядом – в царской водке.

Химического образования Фаечки хватает ровно настолько, чтобы понимать, что царскую водку цари все-таки не пили, а парижане отнюдь не выращивают парижскую зелень на газонах Монмартра.

– Не дождетесь, милая, – смеюсь я. – Еще что-нибудь для меня есть?

– Угу. Электронная почта, как обычно. Да, еще кто-то бросил для вас записку в ящик у «нижних». – Фаечка нарочито роется в столе и делает вид, что ужасно сердита. – Вот она, получите! И передайте адресату, что духи у нее – дрянь.

Нюхаю. «Джувльбарс, фас!» По-моему, ничем особенным

записка не пахнет. Или я себе нюх отбил целебным куревом? Возможно.

Записка как записка. Без конверта – просто сложенный вдвое листок бумаги, грубо выдранный Бо... пardon, бог знает откуда. Хм. Очередное послание тщащегося отвести душу разгневанного гражданина, чьи конституционные права нагло попала Санитарная Служба? Вряд ли оно попало бы ко мне: давно уже прошли времена, когда я находил удовольствие в чтении подобных цидулок, потому что не может же удовольствие длиться вечно! Случалось, филиппики (вероятно, в знак особой теплоты и доверенности) писались на туалетной бумаге, а умница Фаечка, мой незаменимый секретарь-референт, теперь докладывает мне лишь о количестве такого рода писем, пришедших за последние сутки, и, боюсь, ответы не радуют корреспондентов разнообразием: «Благодарю Вас. Сообщенная Вами информация принята к сведению. Бумага использована по прямому назначению» – или что-нибудь в этом роде, хотя на самом деле бумага попросту пожирается лапшерезкой. А ниже Фаечка оттискивает мою факсимильную подпись.

Вряд ли мне суждено кончить свои дни окруженным народной любовью.

Пока я нюхаю бумагу, Фаечка фыркает, на что я не обращаю внимания. Если бы эта малоподержанная блондинка действительно захотела затащить меня в постель, то давно бы так и сделала, а я бы только барахтался.

Хотя к вечеру я обычно так устаю, что мне уже не до Фаечки.

Интересно, спал ли с ней Путилин, мельком думаю я и вспоминаю, как нашли Путилина в этом самом кабинете и как Фаечка, когда ее привели в чувство, на несколько дней впала в полный ступор, озадачив всех и заставив меня начать поиски новой секретарши. Однако как-то обошлось, и наши отношения наладились. Может быть, кому-то удалось внушить ей, что моей вины в смерти Путилина нет – хотя, казалось бы, ищи, кому выгодно... Зато наверняка никому и никогда не удастся доказать ей, что в тот раз Путилина никто не подставлял, он сам загнал себя в угол. Даже вскрывшийся по ходу разбирательства факт злоупотреблений со стороны ближайших помощников (я их потом повыгонял к чертовой матери без права работать в Службах) не повлиял сколько-нибудь серьезно на исход дела. Нет виноватых.

Разворачиваю листок. Там крупно написано:

«Позвоните мне. Ольга». И телефон. Московский.

Странно.

– Кофе сделать вам? – спрашивает Фаечка уже миролюбиво.

– Спасибо, милая. Ничего не надо.

В начале было слово. Даже чересчур много их нашлось, когда наверх ко мне появился заскучавший Виталька, – одно мое слово было правильней другого, я и сейчас не намерен от них отрешиваться, а только стало как-то пусто и страшно холодно, словно правильные слова сами по себе – не ноль даже, а величина отрицательная... И Виталька обиделся и ушел. Укатил в свою Москву, пятьдесят минут на скоростной надземке. Вот тогда я разбудил встроенный в стену бар-автомат и заказал себе коньяку, потом «Смирновской», потом опять коньяку, а за ним сухого каберне и темного пива – и никак не пьянел, хоть плачь, только тошно стало, а под окнами на снегу орали коты, дорвавшиеся наконец до драки. Мне хотелось зареветь, это я точно помню, и, кажется, хотелось даже застрелиться, но стреляться я почему-то не стал. По голове себя лупил – это было. По подлому своему, шкурному, самодовольному «демонию», не подсказавшему уберечь того солдата, ревниво берегущего меня, и только меня. Мне мечталось выколотить его из своей головы совсем, навсегда, но, разумеется, я только зря отбил руку.

«Плохая анимация, пап, – сказал вчера Виталька, мельком взглянув на мой экран. – Разве так огнеметы работают? Я думал, ты делом занят. А у меня там Даву к Москве вышел...» – тут-то полковник Юрченко и рывкнул мне от ду-

ши: «Клистир!», чем привел Витальку в восторг и некоторое обалдение, – и демонстративно сплюнул под ноги, в азиатскую пыль, нисколько не думая о возможных последствиях, за что я полковника слегка зауважал.

Клистир и есть, зачем же резать засапожным ножом визжащую правду-матку? Сам знаю. Боюсь, правда, полковнику меня не понять. Ощущать себя гигантской клистирной трубкой, нависшей над скинувшей портки жертвой, заранее выпучившей глаза, само по себе мало приятно – а вы никогда не задумывались, что чувствует клистирная трубка, когда ее применяют по назначению? Лучше и не задумывайтесь.

– Всем вам придется совершать преступления, – говорил нам Кардинал, когда я был вдвое моложе, чем сейчас, и до сих пор не забыть. – Любая власть есть преступление, она является им автоматически, хочет она того или нет, и те из вас, кто думает иначе, ошиблись адресом. Простите, что повторяю вам тысячу раз говоренные истины: любое сколь угодно благое ваше действие на ответственном посту неминуемо наносит вред части тех, ради кого вы стараетесь. Если вам кажется, что этого не случилось, значит, либо вы невнимательно смотрели, либо человеческое общество изменилось к лучшему, во что позвольте мне, старику, не поверить. Помните: критерием правильности ваших действий будет служить лишь интегральная польза, а критерием оптимальности – минимум человеческих и моральных потерь. Не хочу сейчас говорить о том, что ждет вас в случае серьезной

ошибки, тем более что каждый из вас и без меня, болтуна старого, это знает...

Мы знали. И еще мы знали, что он прав. А были мы уже не мальчики, кое-кому стукнуло двадцать, все как на подбор деловитые, упрямые и цепкие; в головах – возрастной цинизм, окрашенный романтикой, а душа пела...

Господи, да мы же слушали его с восторгом!

Нет пользы без вреда. Нет пути к пользе без совершения ошибок. Не хочешь причинять вреда – устранись. Иди спи дальше, а лучше – умри.

Старый, как мир, даосизм, но с иными выводами из посылок.

Если бы я не хотел, мне следовало бы позволить отсеять себя из Школы еще лет двадцать пять назад.

И точка.

Я знал, что тот солдатик во вспоротом металлом хаки еще не раз вспомнится мне в самый неподходящий момент и, может быть, даже приснится. Мне иногда снятся люди, которых я убил.

Хорошо, что я не видел его лица.

Я просмотрел электронную почту, механически переделал несколько дел из разряда каждодневной текучки – хоть тресни, не получается всю рутину взвалить на окружающих! – и, велев никому меня не беспокоить, плодотворно работал часа два. Проверка, проверка и еще раз проверка. Они тащат мне материалы, не дожидаясь, когда я их за-

прошу. Они очень хорошо знают, чем я рискую. Спасибо вам, родные вы мои, мною же замордованные... Лебедянский, Штейн, Воронин... Гузь, надежнейшая рабочая савраска – между прочим, по определению не имеющая шанса когда-нибудь занять мое место и тем ценная... Функционер обречен отвечать своей шкурой за ошибки других. Как несчастный Путилин... Скажем прямо, добавлять в городскую водопроводную сеть экспериментальный препарат было актом отчаяния, финальной стадией цепной реакции ошибок, инициированной крохотным недосмотром подчиненного. Это было Поступком, последней попыткой вернуть себе контроль над ситуацией. Путилин пошел на авантюру – и ошибся. Масса случаев жесточайшей аллергии, кое-кого не успели вытащить из анафилактического шока – неприятно, но мелочь, конечно... Она простилась бы ему на общем фоне эпидемии, эта мелочь, если бы таким путем удалось хотя бы локализовать очаг...

Иногда мне снятся люди, которых я убил.

И почему-то никогда – те, кого я спас. Почему-то.

Стреляться лучше всего не в висок, а в рот, как сделал Путилин. С точки зрения врача, ничего не имею против подобной рекомендации. Пройдя мягкое нёбо, пуля выносит наружу мозжечок гидравлическим ударом, и смерть наступает мгновенно, без ненужных судорог. Не вполне гигиенично, но что поделаешь – антигуманная природа не снабдила человеческий организм удобным выключателем с пломбой.

Побуксовав на этой мысли, я не сразу заметил, что читаю очередной документ уже по третьему разу. Ну вот вам, пожалуйста: очередная лютая обида на Санитарную Службу и плюс к тому угроза дипломатического скандала. Комплексную экспедиционную группу из университета Маданга (Папуа – Новая Гвинея), направляющуюся на Таймыр по межправительственной договоренности, задержали в карантинном отстойнике почему-то Туруханска для обследования на возможное вирусоносительство и обязательной вакцинации. Последнее для части группы оказалось неприемлемым по религиозным мотивам, остальной состав экспедиции солидаризовался с фанатиками, в результате чего Конторой получен ряд протестов, так сказать, частных, а от всей группы чохом – общий протест по поводу задержки и срыва сроков экспедиции, и консульство воеет дурным воем о нарушении норм и прав.

Нет предела дуrolомству! Я давно понял, что если можно сравнить человечество с выдуманым человеком, то человек этот по типичным повадкам – малолетний трудновоспитуемый хулиган со стерильным интеллектом; говорить с ним бесполезно, а сразу начинать пороть – вроде бы жалко...

И что этим папуасам понадобилось на Таймыре?

Ни к селу ни к городу мне вспомнилось вчерашнее дурацкое происшествие с ненормальным лыжником, любителем обниматься с соснами и его сотоварищами-попрыгунчиками. Человек имеет право. И ведь верно: имеет, например,

священное право съездить в ту же Новую Гвинею и, несмотря на всевозможные прививки, безошибочно подцепить и привезти сюда такую тропическую гадость, что наши тропикологи только руками разведут и перекрестятся.

Все меняется к лучшему, но лучше не станет – кто это сказал? Должно быть, инфекционист. Еще не так давно какой, любопытно мне знать, еретик мог, не боясь насмешек, ожидать вспышки элефантиаза среди работников заповедника на острове Врангеля? А лихорадкой Марбург где-нибудь в Амдерме вы случайно не хворали? Не отчаивайтесь, у вас еще все впереди, и вашего права заразить себя и других какой-либо известной (а если повезет – то и неизвестной) смертью у вас никто не отнимет.

Может быть, даже я.

Существуют неизлечимые тропические болезни, поразившие почему-то какой-нибудь десяток человек во всем мире. Вам мечтается быть одиннадцатым?

Мне почему-то нет.

Будь моя воля – запретил бы людям жить ниже тридцатой параллели, а в Южном полушарии – пусть антиподы разбираются сами.

Стюардесса по имени Жанна

С фэйсом желтым, как шкурка банана,

Из Бомбея летит,

К нам везет гепатит...

Старо это, старо. Исторический фольклор мединститута, и, надо сознаться, это было едва ли не самое пристойное из того, что мы певали студентами под водку и девочек. Уже тогда этой песенке было не помню сколько лет. Много утекло воды.

Почему мне не снятся те, кого я спас?..

По кочану.

Дранное осколками хаки... Спешащие в никуда мячики перекаати-поля, подскакивающие на выжженных огнеметами тлеющих проплешинах, неожиданно вспыхивающие...

Стоп!

Во мне начала просыпаться здоровая злость – как средство самозащиты, не иначе. Не терплю быть виноватым, и все тут; не мне решать, есть ли на мне вина, нет ли ее вовсе – для чего-то имеется и Суд Чести, хоть вы о нем никогда не слыхивали, и это правильно, незачем вам о нем знать. И перестаньте кривиться, вы, чистоплюи отвратные, вовек бы не видеть ваших рож... Что вы смотрите на меня? Ответьте мне, что лучше: взять на себя ответственность за гибель одного и спасти этим тысячу – или быть непричастным к гибели всей тысячи? Вам не случалось медленно – сутками – умирать под руинами здания, которое какая-то сволочь выстроила несейсмостойким? Я видел, как это бывает, и неправда, что надежда умирает последней. А бежать в ужасе по вмиг опустевшим улицам от накрывающего город желтого облака – скажем, сравнительно еще безобидного трихлорацетата на-

трия, вырвавшегося при аварии на химкомбинате – вам тоже не приходилось? Надеюсь, что и не придется. А в своих планах на будущее вы случайно не учитывали возможность загнуться во цвете лет от какой-нибудь банальнейшей амёбной дизентерии? Я почему-то так и думал.

Полвека назад нас еще не было – были эмбрионы, смехотворные по реальному могуществу зародыши нынешних Служб. Но, что интересно, идея носилась в воздухе уже тогда – хотя в те наивные полубуколические времена потери людей от их собственной деятельности еще не представлялись столь грозными. Я никогда особо не интересовался историей вопроса (в Школе ее давали факультативно) – для меня, кадета, и для меня, функционера, совершенно ясным всегда было одно: кто-то должен сделать так, чтобы на нашей многогрешной, неправильно устроенной планете все-таки можно было жить.

И по возможности сделать оптимальными средствами.

Мы сделаем. Одна из четырех Служб, или даже сатрапий, – плевать, как нас называют. Одна из четырех Контор – мозговых центров весьма разветвленных структур, составляющих Службы. Иногда, в тяжелых случаях – все вместе.

А если не сделаем мы, значит, этого не сможет сделать никто и никогда.

Санитарная Служба. Служба Надзора за Технологией и Защиты Среды. Аварийно-Спасательная Служба. Служба Духовного Здоровья Населения – эта четвертая побольше

трех остальных, вместе взятых.

Четыре столба, подпирающих этот мир.

И подпирающих его для его же блага. А теперь можете вынуть пальцы из ушей, я уже все сказал... Нет, благодарю, возражения и контрдоводы меня не интересуют. Нисколько.

Я еще не успел наложить на папуасские протесты резолюцию: «В случае повторного отказа всю группу немедленно выслать из...», как голос Фаечки озабоченно произнес:

– Вас, Михал Николаевич.

– Я же просил: не мешать!

– Очень срочно, Михал Николаевич...

Черт знает что. Кардинал, что ли?

– Включи один звук, – приказал я экрану. – Да! Малахов слушает.

– А я тебя жду, Миша, – сказал Иван Рудольфович Домоседов. – Давай ко мне в «берлогу» прямо сейчас, а? Коньячок будет.

Уволю Фаечку, мрачно подумал я.

Затылок, как ни странно, не болел, словно и не предупреждал меня вчера ни о чем. Непонятно: а о чем он вообще меня предупреждал? Держаться подальше от Нетленных Мощей? Похоже на то. А почему, собственно?

– Извини, не могу. Может, в другой раз?

– Сейчас или никогда, Миша. Помни, за мной не пропадет. Не пожалеешь потом?

Тихонечко кольнуло. Едва-едва. Комариный укус. И сразу

отпустило.

– Так ты едешь? – спросил он.

– Хм... Лады. Только ничего не обещаю.

Я дал отбой и неожиданно обнаружил, что взмок до хлюпанья в подмышках. Оказывается, я приготовился к невыносимой, адской боли, а вышел – пшик. Отсырел порох. Пфф... Ой-ой. Что-то странное происходит в этом мире, чего я никак не могу понять – не то я прежде времени износился как функционер, не то изначально был не гош для этой работы. Напиться, что ли, в стельку для лучшего понимания?..

Не сейчас.

– Мою машину, Фаечка. Нет, шофера не надо, я сам. Через десять минут.

Из рабочего кабинета я попал в личный кабинет, а оттуда спустился в камеру психологической разгрузки, по-простому – «молотильник». Безоружный «болван» отреагировал на мое появление наглой ухмылкой. Так оно и задумывалось по спецзаказу; ширпотребовские «болваны»-мечемашцы все как на подбор имитируют ярость неподвижно-зверскими рожами и не владеют лицевой мимикой. Сдерживая эмоции, я перебрал на пульте управления все квадратики меню, наблюдая, как меняется «болван», становясь то Гузем, то Нетленными Мощами, то Кардиналом, – и остановился на последнем квадратике.

Теперь передо мною стоял я сам. Второй Малахов скалился мне в лицо и подмигивал с такой гнусной физиией, какую

мне вовек не скорчить.

– Защищайся, ублюдок, – сказал я ему сквозь зубы, медленно отводя для удара кулак.

Ожидать, ясное дело, не пришлось – Иван Рудольфович Домоседов, он же знаменитый Нетленные Мощи, встретил едва ли не у порога и сразу засуетился. Без давшего плаща-самогрева весь он был тут – галстучек строгий, запонки отменные, воротничок в крахмальной броне, на пиджаке ни пылинки, и из-под мышек, мельком подумал Малахов, вряд ли пахнет чем-нибудь, кроме хорошего дезодоранта. Старейший плейбой, на взгляд того, кто не знает, сколько нужно потратить времени, чтобы проесть хотя бы внешнюю его броню. А сколько их там внутри, легированных слоев, – кто может знать? он и сам в них, наверно, путается. Серьезный противник, если противник. Надежнейший тыл, если друг.

Последнее, впрочем, спорно.

«Берлогой» Иван Рудольфович называл комнатку, соединенную с кабинетом двойным тамбуром. Он сразу же и провел туда Малахова, оставив в предбаннике двух начальников отделов с приказом брать огонь на себя, стоять насмерть и никого не пущать. Это у него называлось: запереться на два оборота.

Не люблю циников, подумал Малахов. Хотя с ними проще.

Ему еще не приходилось здесь бывать, и он с любопытством оглядывался. Больше всего комнатка напоминала бун-

кер, способный выдержать прямое попадание тактической ракеты. Голые бетонные стены со следами опалубки. Голый, никакой подстилкой не прикрытый цементный пол, голый стол, два жестких кресла, из удобств – один автоматический бар простейшей конструкции. Никаких окон. Никаких кондиционеров. Никаких заметных вентиляционных отверстий, однако не душно, не промозгло и даже, как это ни странно, не гулко.

Глупо, решил Малахов, занимая услужливо подвинутое кресло. Захотят услышать – прослушают и здесь, зачем было огород городить? Все они в СДЗН с приветом, а их начальник – первый...

Вслух он сказал:

– Меня сразу будут пытаться или сперва коньячку дадут?

Иван Рудольфович бросил взгляд на стены и весело засмеялся, дергая челюстью.

– Знаем, знаем ваши шуточки. «Произвел два предупредительных выстрела в голову убежавшего, после чего догнать его не составило труда». Так?

– Не ошибается тот, кто смеется последним, – отпарировал Малахов. – Ты у нас умный, а я так себе, надзиратель за скотомогильниками... Кстати, будет коньячок обещанный?

– А как же! – преувеличенно весело закричал Нетленные Мощи, мановением костистой руки понуждая бар извергнуть на стол содержимое. – Между прочим, высший класс! С легендой коньячок, уж не знаю, кто из них древнее: леген-

да или эта жидкость. – Он расплескал коньяк по донышкам пузатых бокалов и принял шутовскую позу. – Лукулл у Лукулла, исторический визит! В числе приглашенных присутствовали: господин генерал-губернатор с супругой, господин обер-полицмейстер с одышкой, господин санитарный врач с карболкой и доктор Кох с палочкой. А также представители прессы. Как там говаривал Грасиан: «Для больших кусков удачи – большой желудок», верно? Красно иезуит выражался. Так что готовь свой большой.

– У меня маленький, – возразил Малахов. – Крохотный такой желудишко. – Он осторожно отпил, почмокал и поставил бокал на стол. – Так я слушаю.

– Ты пей, пей.

Малахов скорчил мину:

– Говори уж прямо, зачем звал. Коньяк у тебя дерьмо, сивуха крашенная. Всей легенды, что – коньяк... Врать-то зачем?

Нетленные Мощи влил в себя содержимое бокала, как воду, плеснул себе еще, решительно выпил в одиночку, крикнул и захлюпал долькой лимона.

– Зачем, зачем... Подхалимом я сроду не был, вот и все, Миша. Ты что себе думал: я тебя охмурять начну? Ну и дурак, если так думал. Хотел я, чтобы сразу до тебя дошло, до печенок... Вчерашних психов на трассе не забыл? Я тебе прямо скажу: нужен ты мне, Миша, до зарезу. Вот как нужен... – он провел ребром ладони по кадыку, нависшему над

узлом галстука. – Тупик, стенка впереди, бьюсь лбом, как баран, ей-богу, искры из глаз! Не поверишь: волосы на себе готов рвать за то, что добился второго срока; стреляться, сам понимаешь, нет никакого рвения, а у меня еще «гюрза» – из нее и через каску башку прошибить раз плюнуть... Гордый я всегда был, Миша, я и теперь еще гордый, а перед тобой на колени готов встать. Неолитический топор в свою коллекцию хочешь? Шлифованный, с дыркой... Достану! Ты не можешь – никто не поможет, а за мной не пропадет, ты знаешь. Причем дело такое, что скорее уж по твоей части, чем по моей...

За это следовало выпить, и Малахов выпил. Оказалось, и такое в природе возможно – второй день подряд юродствующий Нетленные Мощи, явление само по себе неповторимое. Если игра, то очень уж натуральная...

И все-таки это игра, иначе просто не может быть, тонкий расчет ходов, и на каждый возможный ход противника давно заготовлен контрвариант – несмотря на простительную уверенность Нетленных Мощей в том, что для охмурения функционера любой другой Службы, кроме его собственной, за глаза хватило бы и умения импровизировать. Недаром тянет второй срок, подумал Малахов без неприязни. Любопытно: сам он таким самородком произрос или заразился от Кардинала вирусной хитростью? Подчеркивает: охмуричем тут и не пахнет. Пожалуй, чуть-чуть излишне навязчиво подчеркивает.

Хитрый и глупый – это противно. Зато куда безопаснее, чем этот, – хитрый и умный.

Ну да и мы не лыком шиты.

– Я вас слушаю, Иван Рудольфович, – сказал Малахов.

В затылке не болело – там, будто свинцовый кирпич, лежала гнетущая тяжесть. Это была ремиссия – «демоний» смирился. Либо отступился, устав указывать упрямцу на неверный путь, либо где-то там, в неизвестном впереди нашел выход.

Некоторое время Нетленные Мощи молчал – было ясно, что он спокойно, как нормальную ожидаемую реакцию, отметил и настороженность Малахова, и его намеренно официальный тон. Затем на стол легла дискета-монетка, брызнув в глаза цветами побежалости. Словно отломанное донышко тонированного бокала.

– Основные материалы здесь, Миша. После изучишь... если возьмешься, конечно. А вкратце – изволь хоть сейчас. Только учти: секретность этой дискеточки – «зеро-прим», так что расписки не беру, сам понимаешь... – Он сделал паузу, а Малахов попытался незаметно сделать глубокий вдох-выдох и произвольно сглотнул.

«Зеро-прим!» Документы наивысшего уровня секретности попадались не так уж часто. Фактически за последний год Малахову пришлось иметь дело лишь с тремя группами документов, засекреченных по наивысшему классу, причем в двух случаях класс «зеро-прим» проставил он сам. Ника-

ких бумаг о допуске к «зеро-прим» не полагалось; теоретически такого класса секретности не существовало вообще. На практике это означало, что источник утечки информации должен был попросту исчезнуть, причем по возможности ДО реальной утечки информации.

И еще это означало, что Кардинал находится в курсе дел, хотя бы поверхностно. Утаить от него документацию под грифом «зеро-прим» не решился бы и Нетленные Мощи.

Последнее соображение слегка успокоило.

– Слушаю вас, Иван Рудольфович, – повторил Малахов.

Прежде чем уронить единственное слово, Нетленные Мощи словно бы покачал его на весу.

– Суицид.

Малахов поднял бровь:

– Как?

Наполняя бокалы по новой, Нетленные Мощи расплескал пойло на стол.

– Что смотришь – на вот, выпей и заешь. Самое время. Коньяк – дерьмо, зато лимон настоящий, с ветки. Суицид, говорю. Слова такого не слыхивал, да?

– Хм, – с сомнением сказал Малахов. – Ну ладно. А что вас, собственно, беспокоит?

– Ты слушай! – обиделся Иван Рудольфович Домоседов. – Сейчас я буду говорить тебе правильные слова, а ты стисни зубы и терпи. А еще раз скажешь «вы» – дам в рыло. Для чего, по-твоему, существует Служба Духовного Здоровья На-

селения? Чтобы население было духовно здоровым, ты понял? При том, что ни ты, ни я, ни население вообще – никто, ни один человек не хочет, чтобы его делали духовно здоровым. Вдобавок никто в точности не знает, что это за, прости господи, явление такое – духовное здоровье, и в чем оно должно выражаться... Тут уметь надо. Это тебе не карболкой поливать направо-налево. Прости, я не пытаюсь оскорбить твою Службу, я просто констатирую общеизвестный факт. Думаешь, достаточно взять под контроль информационные системы и технологии – и все? Мне смешно. Ты попробуй это сделать, а я посмотрю – даром, что ли, они у нас считаются лучшими в мире? Притом это даже не фундамент дела – так, котлован... А люди каковы? Людишки-людишечки, радость наша, погань несусветная, гордо звучащее порождение крокодилов! Рвешь, понимаешь, пуп, пыжишься, чтобы в идеале сделать их активными, мыслящими, неагрессивными, такими-то и сякими-то распрекрасными, а потом вдруг оказывается, что все это абсолютно несовместимо с управляемостью, без коей не сделать их такими-то и сякими-то... Улавливаешь?

– Улавливаю, – с неудовольствием сказал Малахов, разглядывая янтарную жидкость в бокале. – Ближе к делу можешь? Распелся. Школа, общий курс, первая ступень, кажется.

– Вторая.

– Что вторая?

– Вторая ступень. Впрочем, к делу так к делу. Коли ты так хорошо помнишь общий курс, скажи-ка мне: каков, по твоему, уровень самоубийств в Конфедерации?

Малахов пожал плечами:

– Около полупроцента всех случаев смерти, я думаю. Можно, конечно, запросить точные данные. Вероятно, что-нибудь около двадцати – двадцати двух тысяч в год, нет?

– Запроси данные, если хочешь, – посмотрим, что получишь помимо моей визы... Слушай меня хорошенько: в позапрошлом году было зафиксировано двадцать тысяч девятьсот шесть случаев самоубийства. В прошлом году – двадцать три тысячи двести одиннадцать. Немного выше нормы, но бывали годы и похуже. В этом году... – Иван Рудольфович на секунду запнулся, – шестьдесят одна тысяча пятьсот девяносто случаев, по крайней мере столько зафиксировано на вчерашний день.

– Если это шутка, то дурного тона, – осторожно сказал Малахов.

Он уже понял, что это не шутка. Не решился бы Нетленные Мощи так шутить, не кадет сопливый.

– Шутка? – Иван Рудольфович приложил ладонь к начавшей подергиваться щеке. – Не обращай внимания, сейчас пройдет... Я был бы просто счастлив, если бы это оказалось шуткой. К сожалению, цифры достоверные, ровно настолько, насколько они вообще могут быть достоверными. Превышение над естественным уровнем по меньшей мере на сорок

тысяч в год, причем год еще не кончился. И учти, сюда входят только стопроцентно доказанные случаи преднамеренного самоубийства – несчастные случаи и убийства, замаскированные под суицид, не в счет. Можешь мне поверить, от случайного фона мы избавились.

– Данные о причинах имеются?

Нетленные Мощи сморщил лицо, будто мучимый оскоминой.

– Ой, Миша, ой. Слабо мыслишь, не ожидал от тебя. Стал бы я перед тобой на цыпках прыгать, будь у меня данные или хотя бы толковая теория! Гипотезы, Миша, только гипотезы. Чего-чего, а этого добра хватает, ты дискетку посмотри, там их вагон с прицепом... Толку от них! Мне дело делать надо, а не в науку играть. И то сказать: скрывать такого рода информацию без конца невозможно. Слава богу, нам пока еще удается выдавать суицид за разгул преступности – ты не обращал внимания, что нераскрытых убийств в последнее время становится все больше? Ну и несчастных случаев, само собой, тоже. Не всех же их чохом убивать, разговоры пойдут...

– Фальсифицируешь статистику? – ухмыльнулся Малахов.

– Будто сам девственник, – отрезал Нетленные Мощи. – Ты этот тон брось, мы с тобой одни. Темы этой вообще как бы не существует, как не существует и проблемы. Население любит стабильность и высокий процент уверенности в зав-

трашнем дне, вот моя Служба и держит этот процент с точностью до третьего знака, можешь не сомневаться. Преступность, в конце концов, неприятна, но привычна. А ненормальный суицид? Сообрази реакцию обывателя – сейчас нам только паники не хватает. Мои аналитики утверждают, что безнаказанно водить наше уважаемое население за нос мы сможем еще месяца три-четыре, а дальше ни за что не ругаются. Подобная информация имеет свойство проникать сквозь стены, несмотря ни на каких функционеров. Кардинал тоже не станет прикрывать меня до бесконечности, сам понимаешь. Кстати, он мне и посоветовал обратиться к тебе.

– Любопытно, – сказал Малахов. – А я-то тут при чем?

– Экспоненциальный рост. Удвоение частоты случаев самоубийств каждые семьдесят пять – семьдесят семь дней.

– Ну и что?

– Это эпидемия, Миша.

Одну секунду Малахов пытливо смотрел на Нетленные Мощи. Потом расхохотался:

– Как ты сказал?

– Эпидемия. И нечего ржать, как жеребец на случке. Ты не зритель, а я не комик Руди Мент, понятно?

– Прости, – сказал Малахов, вытирая глаза. – Не обращаешь внимания, все медики циники отвратные. Позволь только один вопрос вне регламента: ты когда-нибудь слышал об эпидемическом суициде?

– Нет, – легко согласился Иван Рудольфович. – А ты до

пятнадцатого года наблюдал хотя бы один случай английского пота?

Малахов промолчал. В словах Нетленных Мощей была доля правды, и эта доля, если ее выгрести из-под наносов, звучала более чем тривиально: все на свете когда-нибудь случается впервые. Даже ужасная пандемия с предельно точным названием – английский пот. Правда, она-то попыталась выкосить человечество не в первый раз, а как бы не в шестой, однако спустя почти пять веков после последней активации вируса о ней и думать забыли и даже начали полагать эту болезнь некоей разновидностью гриппа, пока она, вновь по привычке взяв старт на берегах Альбиона, не повергла полмира в постыдную панику, а вирусологов – в состояние мучительной и не менее постыдной беспомощности. Вот вам – грипп!.. Навалившись, как водится, справились, и вот тогда-то медленное, осторожное движение невидимых, как дрейф материков, подземных сил разродилось созданием – на руинах, на гумусе прежних бессильных структур – четвертой Службы, в дополнение к трем уже существующим, а часть кадетов Школы была переориентирована на новую специализацию. И вовремя: потери от ринувшегося в атаку пару лет спустя ВИЧ-7, передающегося воздушно-капельным путем, были сведены к теоретически достижимому минимуму, этой заслуги у Санитарной Службы не отнять...

Малахов налил себе сам и выпил залпом. В голове была только тяжесть – привычная и неопасная. И абсолютно ни-

какой боли.

– Локализация? – спросил он.

– По всей Конфедерации. Есть основания полагать, что и за ее пределами.

– Что значит «есть основания»?

– В последние месяцы число нераскрытых тяжких преступлений резко возросло по всему миру. И количество несчастных случаев со смертельным исходом, представь себе, тоже. Статистика – точная лженаука, Миша.

Ого, подумал Малахов.

– Значит, ты хочешь, чтобы я взял себе это дело, так? – Он дождался подтверждающего кивка и жестом остановил собеседника, вновь открывшего было рот. – Очень хорошо. Давай рассудим логически, не возражаешь? Ты был со мною откровенен, я это ценю и в свою очередь постараюсь быть откровенным. Твоя байка об эпидемии – точнее, пандемии – смехотворна, ты знаешь это лучше меня. Погоди, дай сказать... Это первое. Явление, бесспорно, серьезное, но априори носит массово-психический характер и к санитарии никакого отношения не имеет, а, напротив, прямо касается Службы Духовного Здоровья Населения. Это второе. Теперь третье: тебе перед уходом не нужны неприятности, и ты готов мне намекнуть, что, разрешив с блеском твою задачу, я могу заработать себе второй срок полномочий, верно? Прости, ты сам хотел откровенности... В свою очередь, я, ничем особо не рискуя, имею полное право отказаться, пока мне не по-

ставил задачу лично Кардинал. Это четвертое.

– Миша...

– погоди, я еще не сказал «нет». Кстати, почему ты решил, что мои аналитики сильнее твоих? По-моему, как раз наоборот. Вообще, сколько человек владеет ключевой информацией?

– Кроме меня, тебя и Кардинала, еще шестеро. Ну, мой первый зам, понятно. Плюс команда под руководством начальника отдела специальных проблем: социопсихолог, психиатр, специалист по массмедиа, системный аналитик. Остальные не ведают, что творят. – Нетленные Мощи пожевал губу и вдруг, словно махнув рукой – хата сгорела, нехай горит забор, – заторопился. – Еще седьмой был, Миша. Филин Матвей Вениаминович, математик, специалист экстра-класса по каким-то разомкнутым и развернутым куда-то не туда системам, тут я пас. Опять же, фракталы, множества Мандельброта, что-то в этом ключе... Я не специалист. Он пользовался каким-то особым математическим аппаратом, боюсь, им самим и разработанным. Формально числился у аналитиков, руководил небольшой группой, фактически я ему ставил задачи сам. Теперь замену ему ищу, а все без толку – он ведь не мы с тобой, он гений был, где второго такого сыщешь? Не Школу же запрашивать – на черта мне администратор...

– Поделится бы опытом, – усмехнулся Малахов, – по каким критериям ты подбираешь математиков?

– Если он достаточно сумасшедший, я его беру, и часто не зря. Лишь бы на людей не кидался. – Нетленные Мощи потянулся было за бокалом и быстро схватился за вздрагивающую щеку. – Тик, черт... А если и ошибаюсь в выборе, то гоню не всегда. Иногда выгоднее нанять специальных мальчиков для битья – дискриминация посредственности облагораживает ум.

Малахов фыркнул.

– То-то ты меня отравой поишь... Шучу, шучу. Так что там случилось с твоим... ненормальным?

– Погиб пять дней назад, – кадык Нетленных Мощей жутковато дернулся, проталкивая в пищевод содержимое бокала. – За упокой...

Малахов поставил бокал на стол.

– Самоубийство?

Высасывая дольку лимона и одновременно смахивая слезу, Иван Рудольфович помотал головой:

– Возможно, но не доказано. Записки нет. По виду типичный несчастный случай... если бы за час до этого он не стер на своем компьютере все, что только смог стереть. Хотел бы я знать, что там было...

– Восстановить пытались? – спросил Малахов.

– Обижаешь, Миша...

– Значит, дело «мертвяк», так тебя понимать?

– Не так. Миша, я тебя прошу! Я!

– С чего ты взял, что я соглашусь? Мое дело – надзирать

за скотомогильниками.

– Миша!

Свинцовый кирпич в голове понемногу рассасывался, и мало-помалу исчезала давящая тяжесть под черепной крышкой. Так бывало каждый раз после особенно сильных болей – когда «демоний» находил выход не лучший из возможных, не оптимальный, но и не самый проигрышный и, уж во всяком случае, – не смертельный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.